

Оксана Алексеева

Коснуться
мира
твоего

Реальные и выдуманные миры

Оксана Алексеева

Коснуться мира твоего

«Автор»

2020

Алексеева О.

Коснуться мира твоего / О. Алексеева — «Автор»,
2020 — (Реальные и выдуманные миры)

История противостояния двух миров. В одном люди совершенствуют науку и медицину, но царство всеобщего благоденствия возможно только при жестком контроле над рождаемостью. В другом - улучшается оружие, укрепляется защита от внешней среды, осваиваются новые территории... которые скоро попросту некому будет заселять. Борьба разных ценностей и мировоззренческих позиций, в результате которой останется только один мир - тот, который и ляжет в основу нового витка цивилизации. Кханника с детства знает, по каким законам должно строиться идеальное сообщество, она уже стала важным элементом общего механизма. И только в восемнадцать она сталкивается с тем, что нещадно ломает ее стереотипы. Теперь уже мир, к которому она привыкла, не кажется таким идеальным. Ранее издавалась под названием "Мир на изнанке мира"

© Алексеева О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Оксана Алексеева

Коснуться мира твоего

Глава 1

Кханника

Другого мира я не знала, а тот, о котором читала в книгах, больше походил на легенды. Когда окончила школу, передо мной стоял выбор будущего – а это нелегкая задача, возникающая перед каждым на пороге взрослой жизни. Самые почетные занятия, обеспечивающее прочное место в сообществе: врач, ученый или учитель. Учитель – как святой мессия, благодаря которому каждый младенец превращается в гражданина – не просто в часть сообщества, а в полезную деталь совокупного механизма. Еще лучше – быть врачом или заниматься наукой. Но чтобы попасть в их кластеры, надо пройти жесточайший отбор. Только самые умные, самые талантливые и работоспособные люди имеют право пользоваться безусловным почтением и получать лучшие талоны от Государства – и это справедливо. А я даже отличницей в школе не была.

Но унывала я не по этой причине. Наверное, врачом или учителем я хотела стать только потому, что ими мечтали стать все мои друзья. Отношение общества к таким профессиям было даже значимее, чем получаемые ими блага – а это устанавливает в сознании ребенка приоритеты. Отец мой работал в теплицах и очень хотел, чтобы это дело стало семейным. Мать шила одежду, причем настолько хорошо, что имя ее было известно на все шесть зон. Она с детства обучала меня своему ремеслу, и у меня неплохо выходило, но душевного упоения не приносило. Даже теплицы привлекали меня больше. Или выращивание лысей – зверьков, традиционно составляющих основу нашего питания. Так и пройдет вся жизнь – в бесконечном откармливании лысей для убоя.

Я перебирала в уме все возможные занятия, но сердце замирало только от одного слова: охота. Конечно, мальчишек тренировали с детства, потому что в случае нападения каждый из них возьмет в руки оружие. И в охотники принимали только мальчиков: они физически выносливее, что повышает их шанс вернуться. В кластере охотников зашкаливал уровень смертности, но мне казалось, это то самое, ради чего можно и умереть. Они – единственные, кто выходил на поверхность. И иногда после их возвращения Государство передавало ученым или новые растения, которые те пытались адаптировать к нашим условиям, или ресурсы для медицинских лабораторий, или новые книги для библиотеки.

Думала я и о будущей семье, понимая, что вхожу в тот возраст, когда пора обзаводиться девушкой. Но с этим никак не клеилось. У меня даже друг детства, Закари, вызывал больше эмоций, чем девушки. Вызывал, пока не рассказал мне об «этом». Уж не знаю, где он выяснил подробности – а может, и подглядел за собственными родителями, но меня чуть не стошнило от представляемой картины. Делать «это» с подругой – не стыдно и не противно, я просто не готова пока на этот шаг. А вот с человеком другого пола – ужас. Родители у Закари были именно такой семьей – его мать и отец до сих пор живут вместе, возможно, даже и «этим» занимаются, оттого-то он и растет таким извращенцем. Конечно, люди в сообществе понимают, что и такие пары имеют право на существование, ведь природу не изменишь, но провожают их взглядами с сочувствием или даже усмешкой.

Семья нужна каждому человеку, поэтому все рано или поздно вступают в пары. Совсем необязательно строить отношения только на «этом», многие живут просто как партнеры, оставляя в стороне животные инстинкты – нам об этом часто рассказывали в школе. И такие семьи

оказываются самыми крепкими. Понятное дело, крайне желательно, чтобы твой партнер был одного с тобой пола – тогда возникает гораздо меньше проблем со взаимопониманием. Молодые иногда экспериментируют в жажде испробовать все, но с возрастом это у большинства проходит, хоть и не всегда. Я старалась относиться к родителям Закари без отвращения, потому что знала их достаточно хорошо – они замечательные люди, просто немного странные. Нестандартная семья, которой каким-то образом удалось не распасться. Мои родители тоже когда-то были такой парой, в результате чего я и появилась, но быстро одумались и разбежались. Отец создал семью со своим старым другом, а мамина подруга два года назад умерла, поэтому сейчас мама одинока. Теперь я жила с отцом, так как не принято оставлять детей в неполноценных семьях.

В любом случае, нестандартные семьи и те молодые, которых по глупости тянуло на эксперименты, обеспечивали прирост рождаемости. Население всех шести зон сейчас колебалось вокруг отметки в десять тысяч человек – это хорошая цифра. Как объясняли нам в школе, после пятнадцати тысяч резко возрастает риск нехватки ресурсов, а после семнадцати Государство запускает программу по сокращению населения. Последнее сокращение было еще в детстве моего деда – и он рассказывал страшные вещи: Государство было вынуждено убивать калек и больных. Естественно, что каждый понимал необходимость такой меры: мы не можем создать достаточно продуктов, чтобы прокормить неограниченное количество людей, поэтому пришлось пожертвовать частью во благо всех остальных. Ни у кого и сомнений не возникло в справедливости такого решения... И все равно, когда под репрессию попадает твой друг или родственник – это больно. А еще больнее думать о том, что виноват не тот инвалид, который попал в программу, а какая-нибудь тупая сука, забеременевшая от своего одноклассника! Так что справедливость тут под большим сомнением, хоть об этом никто открыто и не говорит, чтобы не теревить старые раны. А вот при десяти тысячах сообщество может позаботиться о каждом – даже о бывшем охотнике, который потерял ногу или сломал позвоночник. Мы лечим больных и раненых, мы помним все заслуги наших ветеранов, мы уважаем стариков. Наше сообщество справедливо и милосердно... пока население остается в разумных пределах.

Когда-то врачи занимались не лечением болезней, а пытались создать противозачаточные средства – потому что незачем лечить больных, когда все на грани вымирания от голода. Но Отец, как всегда, оказался мудрее людей – все больше и больше женщин под воздействием радиации становятся бесплодными. Тесты нам проводят несколько раз с момента вступления в фертильный возраст. Из моего класса высокий риск выявлен только у трех девочек, у половины – низкая вероятность зачатия. К счастью, я попала в число нулевого риска – и это настоящее везение, хоть я и не собираюсь создавать нестандартную семью. Когда я рассматривала картинки в школьном учебнике, то теряла дар речи от ужаса. Если бы я попала в группу риска, то, наверное, даже здороваться за руку с парнями бы побоялась, чтобы в такое не вляпаться. Правда, матери, пережившие подобный кошмар, детей своих любят – это животный инстинкт, как нам объясняли. Некоторые даже осознанно идут на такое... но тут ничего не поделаешь, природа. А люди, хоть и здорово эволюционировали, все равно остаются животными, несмотря на все учения Отца.

И хоть Закари немного донимал меня, когда мы стали подростками, все равно оставался лучшим другом. В школе нам объясняли, что это вполне нормально, главное – не поддаваться порывам. Только взрослый человек может с уверенностью говорить о том, какую семью он хочет создать, а до того момента телом руководят гормоны. Я гормональные всплески друга просто игнорировала, потому что во всем остальном Закари был самым лучшим товарищем! А уж когда он заявил, что его приняли в кластер охотников, то я чуть не расплакалась от гордости и зависти. Родители его были против – на то они и родители, у них же этот... инстинкт защиты потомства, так что их никто и не слушал. Я заставила Закари пообещать, что он будет мне рассказывать обо всем: какого цвета небо, каких мутантов он повстречает, на самом ли

деле обезьяны так прыгучи, что могли бы без труда перескочить стену между второй и третьей зоной. Он, конечно, пообещал.

Хоть родители и не поощряли нашу дружбу с Закари, но признавали, что под его пристальным взглядом никто не смог бы причинить мне вреда. Мы встретились возле моего квадрата и, как часто бывало, на службу в храм опоздали – положила руку на сердце, сделала это осознанно. А какой подросток любит слушать монотонные и однотипные речи про усмирение плоти и благодарности предкам? Успели только на конечную молитву: «Спасибо, Отец, что даровал мне этот день. Будь милостив – подари следующий».

Оттуда побежали – до шестой зоны путь неблизкий, а хотелось успеть к самому началу. За последним квадратом первой зоны начинался длинный коридор, ведущий ко второй. Коридоры не были освещены, но у каждого из нас всегда имелся фонарик, хотя тут мы могли бежать и вслепую. Но в центральном зале, который располагался между четвертой и пятой зонами, снова притормозили посреди собравшейся толпы. Мы не слышали оглашение вердикта, но уже по приготовлениям было понятно, что за казнь ожидает преступника.

Преступления у нас были редки – довольно глупо красть у соседа какую-то мелочь, потому что в настолько тесной общине всегда найдутся свидетели. И иногда преступника оправдывали – если набиралось достаточно пунктов его пользы для сообщества. Но вот относительно изнасилования правило было одно – прилюдная кастрация. Чудовищу, который силой принудил какую-то женщину к «этому», просто отсекали все ненужное. И даже те, кто выжили после кровопотери, не могли обратиться за помощью к медикам, соседи переставали с ними общаться, с работы их выгоняли. В итоге они все равно умирали от голода. Им даже на поверхность уползти не разрешали – нечего прикармливать мутантов около входов. Я с удовольствием смотрела на то, как голый мужчина кричит, извивается, как к нему подходит хладнокровный палач – так насильнику и надо, мрази! Такие твари не имеют право на жизнь. Он сдохнет – сегодня или через неделю, его труп сожгут в крематории, а после никто и не вспомнит его имя. А какой-то бедной женщине, которая стала его жертвой, станут помогать всем миром. Ведь это просто бесчеловечно – ничтожество могло поселить в ее животе ребенка, а значит, она будет вынуждена носить его, терпеть мучительные роды, а потом еще и любить дитя, потому что у нее включится... как его? Материнский инстинкт! Рождение ребенка – настолько жестокий процесс, что на него женщина может пойти исключительно по доброй воле. Я закрыла глаза и помолилась Отцу за то, чтобы бедняжка оказалась не в группе риска – ей и так досталось, куда уж больше? Наверное, все люди в зале сейчас молили о том же.

На танцах в шестой зоне собрались и молодые, и взрослые. Огромный зал был по случаю украшен бумажными фонариками и гирляндой. Жаль только, что подобные мероприятия проводятся нечасто: раз в месяц, а то и реже. Поэтому мы ни одно из них не пропускали. И в этот раз успели до того, как барабаны застучали свой первый ритм. Я танцевала с девушками, а Закари стоял у стены – он не самый большой любитель танцев и пришел сюда, скорее всего, только из-за меня. К нему подходил какой-то парень, но Закари довольно резко его отшил. Не знаю, может, он унаследовал от своих нестандартных родителей убеждение в том, что он тоже не такой, как все. А может, и парень этот ему не понравился. Ничего удивительного! Закари, насколько я вообще могла оценивать мужскую внешность, был исключительным красавцем – такому не грех и выбирать.

Последний танец, как всегда, за ним. И пусть на нас косятся – плевать. Ведь он мой лучший друг, хоть и сжимает мои руки все сильнее, словно хочет всю меня к себе прижать. И когда у него уже эти гормоны отыграют? Сегодня опять придется с ним серьезно поговорить.

Довольные и разгоряченные, мы возвращались в свою зону уже неспешно. В некоторых квадратах погасили свет. И вдруг Закари потащил меня в сторону:

– Кханника! Я сегодня спер ключи от архива, представляешь?

От неожиданности я опешила:

– Ты сошел с ума? Нас накажут!

У меня до сих пор болела попа от одного воспоминания, как мы два года назад с ним без разрешения прокрались в квадрат Государства. Нас поймали еще до того, как мы успели осмотреться! А девочек в таких случаях наказывают посильнее мальчишек. Ведь всем известно с пеленок, что именно девочки должны останавливать мальчиков в любых проделках. Мужчины умнее женщин – с этим никто и не спорит, но до того, как они повзрослеют – ими руководят нейромедиаторы, в то время как девочки вполне способны мыслить и без влияния гормонов. Поэтому то, что простительно мальчикам, нельзя спустить с рук девочкам.

Он не выпускал мою руку:

– Нас не поймают! Разве тебе не интересно? Архивариус настолько стар, что и не заметит вторжения. А утром я уже верну ключ на место... Или постой тут, подожди меня.

Сомневалась я ровно две секунды, а потом неслась по уже затемненному на ночь коридору в сторону архива, теперь таща Закари за собой. Мы прокрались в библиотечный квадрат и только там отдышались. Внутри было совсем темно, а в этой части коридора в такое время ни души. Закари щелкнул фонариком.

– Как думаешь, почему эти книги хранят отдельно?

Вокруг стопками лежали разные старинные издания – брошюры, огромные и совсем маленькие книги, журналы. Не так уж и много, если сравнивать с фондом библиотеки, который был в общем доступе. Ответа на вопрос Закари я не знала, но не потому ли мы и пробрались сюда? Я выхватила у друга фонарь и осветила пол. В глаза бросилась небольшая яркая книжка, которую я и подняла.

– Смотри, Закари! Какие картинки!

Он наклонился и тоже ахнул. Если предположить, что краска за несколько столетий уже порядком поблекла, то в первоначальном варианте от цветов, наверное, глаза болели. На каждой странице были нарисованы какие-то люди с добрыми лицами – все улыбались так, будто лысей до отвала объелись. «Ветхий Завет для детей» – гласило название.

– Это же какая-то древняя религия? – уточнила я.

Закари что-то неуверенно буркнул и уселся рядом на пол.

Такой смешной книги мы ни разу в жизни не читали. В первой главе рассказывалось о райском месте, называемом Эдемом.

– «Плодитесь здесь, размножайтесь здесь», – прочла я. – Можешь себе представить рай, где людям приходится размножаться?

Мы покатались со смеху. А вот господин Змий в этой сказке выглядел на самом деле привлекательным персонажем – он явно хотел заставить наивную Еву задуматься о своей жизни вместо того, чтобы глупо «плодиться и размножаться». Даже угостил ее чем-то зеленым и однозначно съедобным. Я увлеклась этой простой, но интригующей историей, а Закари шарил по другим полкам, то и дело поднося некоторые издания к окну, куда попадал слабый свет из перехода.

– Закари, тут такая развязка – умереть не встать! Слушай... – он обернулся от окна ко мне. – Короче, за то, что женщина просто поела, Бог ее наказал тем, что она теперь будет «в муках рожать детей»! Ага, а до того они, видимо, почкованием размножались.

По-моему, шутка смешная, так что слабая реакция напарника меня не устроила. Я отложила книжку на пол и встала, чтобы подойти к нему. Он спешно откинул журнал, который только что держал в руках, на пол. Я осветила фонариком и сразу поняла, что внутри были какие-то извращения – если уж на обложке сияла красавица-блондинка с обнаженной грудью! Зачем люди в старину разглядывали такую мерзость? Ведь если тебе нравится вид женской груди, то можно посмотреть на свою или на грудь своей подруги. Круг света показал, что лицо у Закари стало пунцовым. Ого, да он сам не свой – будто лихорадит. Я заметила серьезно:

– Теперь я понимаю, почему эти книги не хранят в общем доступе! Странно, что их вообще не сожгли!

Он не отвечал, пытаюсь скрыть, как сам стыдится собственной реакции на эту картинку. И хоть его поведение было отвратительным, я протянула к нему руку, чтобы успокоить и показать, что никому о таком не расскажу, но он дернулся от меня, словно я пыталась его ударить. Видимо, он был смущен сильнее, чем я сначала предположила, поэтому зашептала:

– Это ничего... Ты молись Отцу – он поможет тебе справиться! Давай завтра вместе пойдем в храм?

Снаружи раздался резкий голос:

– Кто там? А ну-ка выходите, паршивцы!

Мы шарахнулись от окна вглубь архива, но уже успели узнать подошедшего – сержант зоной охраны. Вот это мы вляпались! И вряд ли на этот раз отделаемся простой поркой! Скорее всего, на родителей наложат крупный штраф – а они уж нам устроят не простую порку. Закари неожиданно кинулся к окну, прямо под фонарь сержанта:

– Это... я, – и, морщась от направленного в глаза света, шепнул мне: – Беги.

Самопожертвование – главный признак лучшего друга! Тем более, что теперь его очередь. Я, недолго думая, рванула к двери. Незачем нам получать наказание обоим, а Закари мне должен за прошлый раз. И он уже поступил в кластер охотников! Каких еще удач ему в жизни хотеть? А эти его гормоны, все эти странные реакции с возрастом пройдут, да поможет ему Отец.

За следующие два года мы ни разу не вспоминали о том происшествии – наверное, оба испытывали закономерную неловкость. Я сначала подшучивала над тем, что он после разговора с сержантом не мог сидеть, но он принимался краснеть даже от этого – и дело было точно не в порке, поэтому я сделала вид, что вообще обо всем позабыла.

Возможно, выбор Закари определил и мой. Не без помощи друга я долго тренировалась – и меня все же приняли во внутреннюю охрану. Если не на поверхность, то хотя бы ближе к ней.

Через полгода службы я начала встречаться с девушкой, которая служила в том же отряде. Зельмина, несмотря на свое женственное имя, была совсем не красавицей, но с ней мне сразу было легко. Мы даже начали вести речь о создании семьи после совершеннолетия. А пока жили в казарме внутренней охраны совсем рядом с главным входом. Здесь были самые широкие ворота, выводящие прямо на поверхность, а значит, и самые мощные гарнизоны. Во внешней охране служат только мужчины, в большинстве своем опытные солдаты. А мы – последняя линия обороны, до которой никогда ничего интересного не доходит. За два неполных года службы я только трижды видела мутантов – издалека, но была физически и морально готова встретиться с опасностью лицом к лицу.

Закари ушел в свой первый рейд сразу после совершеннолетия, и я ждала его постоянно – днем и ночью. Возможно, поэтому так легко и проснулась, едва заслышав далекий звук и решив, что охотники возвращаются. Будить Зельмину не стала – она совсем недавно вернулась с поста. Уходя на поверхность, Закари сказал мне: «Я боюсь, Кханника... Я боюсь туда идти», но я тогда решила: он это говорит специально, чтобы утешить меня, чтобы я не разнылась снова от зависти, что родилась не мальчиком, который может стать охотником. Но через пару недель и сама начала за него переживать – ведь ни для кого не секрет, что делают обезьяны с охотниками, если те попадают им в руки. Но еще ни один из наших не сдался под пытками, раз мы до сих пор живы.

Приблизившись к первой заставе, я напряглась. С территории внешней охраны слышался странный шум, раздалась пара выстрелов – так охотников не встречают! Это или мутанты, или... даже обезьяны – самые жестокие из наших врагов. Сердце зашло от волнения. Я ухватила рукоятки кинжалов и побежала вверх к внешним воротам.

Глава 2

Кирк

– Вот куда ты опять собрался, сынок? – Женщина зашла в комнату и тяжело опустилась на стул.

Я вздохнул от того, что не удалось уйти незамеченным. Подошел и поцеловал ее морщинистую руку, но она успела схватить меня за шею, чтобы на пару секунд обнять.

– Я собирался зайти к тебе чуть позже, матушка! – Изобразил самый честный взгляд, на который был способен.

Она задумчиво огляделась по сторонам:

– Кто теперь живет в твоём доме? Если это только не твоё платье.

Улыбнулся – моя матушка всегда отличалась шутивым нравом.

– Лили, – пришлось отвечать, хоть я и спешил.

Матушка сосредоточенно нахмурила лоб:

– Лили – младшая дочка Девятой Матери? Рыженькая такая?

– Она.

Моя рука так и оставалась в её захвате, и я не осмеливался её отнять.

– А куда делась Тая?

Я был вынужден объяснять то, что считал очевидным:

– Тая только на третьем месяце, а уже невыносима. Она такой скандал подняла, когда я привел в дом Лили...

– Кирк, сыночек... – Другой рукой матушка потрепала меня по волосам – ненавижу, когда она так делает, словно по-прежнему видит во мне младенца – проклятие всех матерей, сколько бы детей у них ни было. – Похоже, ты унаследовал от своего отца не только внешность, но и тугой ум! Беременные женщины становятся капризными – разве ты не знал?

Закатил глаза к потолку. Капризы капризами, но Тая своими истериками мне спать мешала, да и Лили начинала нервничать. И что прикажете делать в таких условиях?

– Но дети от тебя рождаются здоровыми и красивыми, – матушка продолжала собственную мысль. – Самые красивые из всех моих внуков – это как раз оба твоих белобрысых лоботряса.

– Ага. И только мальчики, – заметил я.

– А может, Тая родит дочь? Она тебе дочь родит – а ты её из дома выгнал! Не стыдно?

Стыдно мне точно не было. Но если начать спорить, так речь и о генофонде пойдет – не первой.

– Я найду к Тае перед уходом, обещаю.

Тут мать нахмурилась сильнее:

– Если тебя постоянно тянет куда-то, значит, дома беспокойно! Что тебе неймется? Этот блудный характер ты тоже от отца перенял – уж точно не от меня. Я иногда думаю, вот зачем на такого бестолкового красавца когда-то посмотрела? И все равно иногда так по нему скучаю...

Я не выдержал и рассмеялся:

– Скучаешь? Да он в соседнем доме живет!

– И что с того? – резонно заметила мать, а мне нечего было на это возразить. – Кирк, ну вот куда ты опять, а? В пустыне столько опасностей – мутанты, призраки, крысоеды. А в тебе такой генофонд!

Началось. Надеюсь, группа дождется меня, пока я тут буду переживать матушкину речь, иначе придется нагонять их в одиночку, а это уже куда опасней. Но эту экспедицию я не пропущу, хоть Тая прямо сегодня родит мне двух дочерей! На этот раз мы идем прямо к логову

крысоедов, и с пустыми руками не вернемся. Хотя бы парочку охотников их отловим – уже польза. А если повезет... Это Дику пришла в голову мысль использовать призраков, и уж по крайней мере мы должны попытаться!

Больше, чем мутантов, зеленых вирусных ящериц, птеродактилей и призраков, я ненавижу крысоедов, потому что слишком хорошо знаю историю. Нас учат ей с пеленок, чтобы мы никогда не забывали свое наследие. Мы – люди! Мы – потомки тех, кто пережил и взрывы, и ядерную зиму; значит, мы отвоевали свое право на существование. Гордые дети всего человечества. В отличие от них. Они выжили за счет смерти других людей, а мы – за счет собственного развития. И конечно, героизма.

Я до сих пор помню эпидемию, хоть и был тогда совсем мальчишкой. Сначала появились новые мутанты – зеленые ящерицы, совсем маленькие, из-за чего их не посчитали серьезной угрозой. Но позже выяснилось, что их укусы заражают людей вирусом, который потом передается от одного к другому. Кто-то из укушенных вернулся в свой родной город, заразил другого... У нас нет лекарств, чтобы лечить настолько серьезные заболевания, поэтому зараженные умирали в муках. И что же они сделали? Город Ветра самостоятельно объявил карантин, закрыл ворота, чтобы не заразились те, кто так и норовил передать им продукты, а еще через пару месяцев, когда голод и болезнь не оставили уже ни малейшего шанса, они сожгли себя. Все, кто остался в живых к тому моменту, сами сожгли себя, свои дома, свои вещи, чтобы зараза не вышла за пределы их стен. Я, как и многие другие, с холма наблюдал за черным дымом. Возможно, это был последний раз, когда я совсем по-детски плакал. Я не могу забыть момент восхищения их героизмом – обречь себя на страшную смерть во имя будущего остального человечества. И кто больше достоин жить – такие люди или крысоеды, которые благодарствуют за непроницаемыми стенами? Кажется, ответ очевиден.

Но наш мир под угрозой: и я сейчас говорю не о кислотных дождях, постоянно появляющихся новых видах мутантов или голоде. Я говорю о том, что человечество скоро некому будет продолжить. Мы разрешили уже многие проблемы. В Городах жизнь стала настолько уютной, что люди начали расслабляться. Мы совершенствовали оружие и навыки, наладили торговые отношения между Городами, обозначили отраслевую специализацию, обеспечили защиту собственных границ от мутантов, хотя в пустыне опасностей и сейчас предостаточно. Мы сделали все, что могли, и собирались сделать еще больше... И если бы не крысоеды, то и у нас был бы шанс.

Во времена взрывов – пятьсот зим назад – удалось выжить только тем, кто успел укрыться под землей. А на поверхности не осталось ничего живого, города были полностью разрушены, экология улетела к чертям. Человечество осталось только там, внизу, вдали от мутантов и радиации. И первые подземные поселенцы решились на нечто такое, после чего их и людьми-то считать сложно – они выгнали всех слабых наверх, чтобы оставшимся хватило крыс и грибов для выживания. Со временем они там обустроились, изолировавшись от тех, кто был вынужден каждый день выживать наверху. Конечно, большинство из первых изгнанников погибли, но, к сожалению для крысоедов, не все. Первые верхние люди и стали моими предками – теми, кто начал основывать поселения. Теми, кто научился защищаться от всех бед внешней среды. Теми, кого крысоеды называют обезьянами.

Со временем мои предшественники даже в условиях повышенной радиации научились создавать продукты, а пространства для расселения тут не ограничено. Да вот только расселяться некому. Уже через несколько поколений радиация дала знать о себе, а большинство из нас бесплодно: и мужчины, и женщины. Те, кому даровано благословение, конечно, занимают самые почетные ступени в наших общинах. Я – десятый ребенок и третий сын Второй Матери Города Солнца. Она уже старая и не может родить мне других братьев или сестер, но пользуется безусловным почтением всех горожан. Она, благодаря мудрости своего возраста и неоспоримым заслугам, возглавляет Совет Города. Трое из моих старших сестер унаследовали

ее дар – уже очень скоро Город ждет очередного Чуда Рождения от одной из них. Конечно, все мечтают о девочке, но даже и в честь мальчика устроят грандиозный праздник. Сестре вообще очень повезло – ее первый избранник оказался способным зачать ребенка. Вот такое совпадение – ее друг детства, ее первый мужчина и отец ее первого ребенка в одном лице! И мне даже иногда кажется, что они не скоро захотят поселиться в разных домах. Это не запрещено, конечно. Она может рожать и от одного мужчины хоть всех детей, если сама пожелает. Да и кто бы посмел указывать женщине, способной на Чудо Рождения? Но мне лично их отношения просто непонятны. Все сходятся и расходятся – жизнь меняется, меняются и вкусы, зачем останавливаться на ком-то одном? Читатели – те немногие из нас, кто был обучен грамоте – рассказывали, что раньше люди умудрялись уживаться «семьями» чуть ли не на протяжении всей жизни. Уверен, что это вымыслы – как и сказки о каких-то пришельцах, драконах и колдунах. Даже нет, скорее всего, драконы когда-то и могли существовать... Но вот чтобы один и тот же партнер не надоел за несколько лет – уж точно выдумка. А для нашего менталитета – еще и весьма вредная. Чем чаще люди меняют партнеров, помимо чисто сексуальных ощущений новизны, тем больше шансов, что какая-то пара воспроизведет потомство. Знахари в один голос настаивали на том, что необходимо избегать связей с кровными родственниками – якобы дети у таких пар могут родиться с серьезными отклонениями. Я не знаю точно, насколько их опасения оправданы и имеет ли это предостережение смысл, когда и без того дети рождаются крайне редко и при таком высоком уровне детской смертности. Население же к инцесту относилось спокойно, и их дети вроде бы ничем серьезно не отличались от других... Ну а то, что рождаются мертвыми или с двумя головами – так это и с любой другой парой может случиться. Радиация, зеленых ящериц ей в зад, разит всех без разбора.

– Кирк, останься дома! – вернулась матушка к старой теме. – Я тебя прошу!

Кажется, я готов был разрыдаться снова – как тот мальчишка, глядящий на горящий Город Ветра.

– Матушка! – я решил изменить тон на более строгий – иногда с женщинами иначе не получается. – Мы занимаемся важным делом! Если бы мы весной не поймали того охотника с его аптечным арсеналом, то последний ребенок Шестнадцатой Матери умер бы от инфекции! Наши знахари не могут создавать антибиотики – ты это знаешь.

– Знаю.

Она погрустнела, и это могло означать, что она наконец-то смирилась. Значит, надо продолжать идти этим путем:

– Шестнадцатая Мать до сих пор мне каждую неделю присылает пирог в знак признательности! И в гости зазывает!

Мать моя неожиданно иронично улыбнулась:

– Ну, допустим, в гости она тебя зазывает по другому поводу. И, допустим, ты уже мог бы и заглянуть к ней... Твоя Лили не состарится за одну ночь!

Дальше разговаривать было бессмысленно. В Совете уже рассматривался вопрос о том, что способных зачать мужчин нужно беречь чуть ли не на тех же шелковых подушках, что и наших Матерей. К счастью, в обществе не было никаких строгих законов, которые бы серьезно ограничивали свободу чьей-то воли, поэтому и этот проект не нашел одобрения. Мы живы потому, что уважаем личность каждого – если человека силой заставить делать мебель, то получится плохая мебель. Если труса отправить биться против мутантов, то у нас не останется даже труса, который мог бы делать хорошую мебель. Если того, кого тянет в пустыню, держать на привязи, то он устроит бардак в Городе, потому что ему некуда высвободить лишнюю энергию. Хочешь видеть человека, не нарушающего запретов, – так не запрещай ему ничего! Конечно, есть какие-то общие правила, но если они кого-то не устраивают, то он волен выбрать другой Город или попытаться основать свое поселение – никто не станет его удерживать. А ценность человеческой жизни в наших условиях настолько высока, что никто не причиняет серьезный

вред здоровью другого осознанно. Не потому что за это накажут – нет, ему грозит только выселение из Города – а потому что это его свободный выбор.

Думаю, такое справедливое общество было построено только за счет того, что мы позволили женщинам управлять нами. Они хитрее и мудрее прямолинейных и агрессивных мужчин, они почти всегда находят такой способ разрешения конфликта, чтобы никто не пострадал или хотя бы не поплатился за ошибку жизнью. А уж Матери, родившие детей, тем более отличаются исключительным состраданием. Там, где я в порыве спора захочу ударить, Мать скажет: «Прости ему, что он другой». Там, где я закричу: «Ты должен!», Мать ответит: «А может, он должен кому-то другому или не должен никому?». В итоге все находят свое место, а мелкие ссоры ограничиваются стычками, которые уже наутро забываются, крупные – парой разбитых носов, которые все равно наутро забываются. Поэтому в бою на передовой – мужчины, а женщинам остается право принимать решения относительно долгосрочных стратегий. Не потому, что они узурпировали власть, а потому что мы, физически более сильные, сделали ставку на мудрость, а не физическую силу. Потому, наверное, наши управляющие, в число которых входят и некоторые умудренные опытом мужчины, называются Советом – как знак того, что они только предлагают свою волю и оставляют за каждым право с ней не согласиться. Совет существует не как аппарат насилия над собственным народом, а лишь как способ упрощения существования для всех остальных. Никого не принуждают платить обязательные взносы, и – странное дело – продуктовая лавка никогда не бывает пустой настолько, чтобы кто-то в Городе умирал от голода или Мать осталась без жилья. Помогать соседям – это настолько в нашей природе, что нас не нужно к этому принуждать. Я не могу представить в обозримом будущем такой прирост рождаемости, чтобы все внезапно перестали быть людьми и превратились в крысоедов.

Матушка смилостивилась надо мной сама:

– Ладно, Кирк... Только обещай мне, что будешь осторожен! – Я поднялся на ноги, кивнул и с легким сердцем направился к двери. И уже в спину услышал: – Если будете в Городе Лета, передай внуку привет от бабушки!

Мой первый сын пережил уже шесть зим, и его мать решила уехать в другой Город – там ее встретили с распростертыми объятиями, как встретили бы везде женщину, способную на Чудо. Наверное, и правда надо навестить. Может, у нее еще кто-то родился с тех пор – поздравлю хоть. Не совсем же я бессердечное существо, чтоб оболтусу привет от целой бабушки не передать.

– Обязательно. Шо, за мной!

Пес, едва дождавшись этого момента, рванул на выход вперед меня.

Из Города мы вышли отрядом в двенадцать человек, считая командира. Под руководством Тары я бы и к крысоедам не побоялся спуститься, настолько она заслуживала моего уважения. Она была бесплодной женщиной. То, что она женщина и бесплодна, наверное, проверили уже все члены отряда – каждый в свое время. Но вряд ли кто-то отважился бы повторить этот подвиг дважды. Тара в момент оргазма орала так, что ее слышно было и в далеком Городе Звезды, я уверен. Это был основной предмет шуток, об этом слагали городские легенды. Не удивлюсь, если Нал даже пару песен об этом факте сложил. Но вряд ли осмелится их исполнить для широких масс, потому что за Тарой не заржавеет и оторвать ему... чем он там песни слагает? Она тоже в долгу не оставалась – едва подлавливала нас на веселом обсуждении этого вопроса, как начинала сравнивать наши постельные навыки, без стеснения выдавая все интимные подробности. И нам сразу переставало быть смешно – потому что это очень грустно, когда одновременно хочется заплакать, утопиться в городской канализации и прибить командиршу на месте, чтобы наконец-то заткнулась. Нала она любила больше остальных, потому что чаще других доводила до фиолетового от стыда состояния. А я нашел отличную отговорку: «Мне было пятнадцать! Пятнадцать!», но это почему-то никого от смеха не останавливало. Иногда

даже хотелось повторить событие семилетней давности, чтоб теперь было не так стыдно... но, к счастью, я вовремя вспоминал о далеком Городе Звезды, который ни в чем не виноват.

Мы подбили первого птеродактиля еще до Города Лета. Хороший знак. Хотя мясо у него сухое и жесткое, но из всей мутантины – далеко не самое несъедобное. А под самогон идет вообще легко. Кожу упаковали – прекрасный материал для верхней одежды. В очередной раз обсудили план Дика с призраками – их придется отловить не меньше трех десятков, чтобы хоть что-то получилось. Все согласились, что задуманное мероприятие вряд ли окажется прибыльным, зато точно повеселимся. Мы ели жареное мясо и подшучивали друг над другом, словно мир так и будет продолжаться вечно, а дети наших детей увидят те же самые звезды. Возможно, ради этого ощущения уверенности в человечестве во время простых посиделок у костра меня и тянет в пустыню.

Через два дня наткнулись на следы – экспедиция обещает стать увлекательной! Охотники-крысоеды, трое, а значит, домой мы принесем хотя бы их аптечки – и кто знает, чью жизнь они спасут на этот раз. Допросы – тоже немаловажная часть, хоть никто из них прежде и не раскололся, но попытка же – не пытка? Хотя... в данном случае – именно она. Никто и не усомнился в том, что мы сможем их обнаружить – они даже близко не стоят с нами по сноровке. Крысоеды сильны, с этим сложно спорить, но низкорослы и неповоротливы. На открытом пространстве у них нет шансов, это наша среда обитания! Они, выросшие в подземельях, зовут нас обезьянами, думая, что их грузность – и есть образец, а мы слишком быстры, чтобы быть обычными людьми. Не понимают, глупые, что стены не только защищают их от опасностей, они еще и давят им на плечи, горбят им спины, лишают ловкости, доступной только детям свободного пространства.

Глава 3

Кханника

– Куды намылилась?

Сержант внутренней заставы перехватил меня на излете. Дал сначала подзатыльник, а потом и пинка под зад, чтоб напомнить субординацию. Это говорило о том, что он находится в отличном расположении духа, а меня снедало любопытство:

– Господин сержант! Что там происходит?

– А-а, – он отмахнулся, демонстрируя полное отсутствие паники. – Ничего страшного! Зомби! Их разгонят через несколько минут...

До сих пор я видела зомби только на картинках, поэтому вытянула шею, чтобы хоть что-то разглядеть. За что и получила очередной подзатыльник.

– Отбой, рядовая. Вали назад в казарму.

Пришлось понуро плестись обратно. Но через несколько метров я обернулась и, убедившись, что сержант отвлекся, снова побежала вверх. Жаль, конечно, что это не возвращение рейда охотников, но что-то очень интересное. Я спряталась за башенкой, чтобы иметь возможность почти беспрепятственно смотреть вверх. Если и поймают, то нарушения как такового нет, пока я остаюсь в пределах внутренней заставы, а от еще одного подзатыльника я не умру.

Некоторые зомби пробрались совсем близко. Отсюда они казались даже немного страшными – серые человекообразные существа, которые появились то ли от радиации, то ли в результате какой-то болезни. Они не считались врагами повышенной опасности – вред они могли причинить только совсем обездвиженному человеку. Мы называли их «зомби» по одной причине – они чем-то напоминали неких выдуманных монстров из древних страшилок. Современные, в отличие от тех выдумок, просто ходили туда-сюда по пустыне, могли и укусить беззубым ртом – если им руку прямо в челюсть вставить и подождать. Наши ученые в ходе экспериментов над отловленными особями выяснили тот факт, что их плоть не разлагается даже после расчленения. Отсюда выдвинули и гипотезу, что монстры эти бессмертны или способны существовать столетиями. Половых признаков не обнаружено. Не являются переносчиками своего заболевания, или у выживших просто выработался иммунитет. Скорее всего, это были какие-то люди, которые находились ближе всех к взрывам, или их потомки. Радиация подарила им бессмертие, зато полностью лишила сознания. С тех пор они и блуждают по пустыне одинокие – на своих длинных худых ножках, питающиеся то ли солнечной энергией, то ли радиацией, и если на них когда-то и была одежда, то за прошедшие столетия уже истлела. Одинокие...

Я хоть отличницей в школе и не была, но этот факт из учебной программы всплыл отчетливо – зомби настолько безмозглые, что даже своих не узнают! Они не собираются стаями! Может, поэтому солдаты наверху и не смеются, прогоняя их в главные ворота? Кто-то уже заподозрил неладное и кричал на внешнюю заставу, чтобы контролировали вход. Вполне возможно, что ситуация грозит не только тем, что наведет небольшой хаос в нашей зоне...

Я вынырнула из своего укрытия и побежала наверх. Так далеко я еще ни разу не заходила. В проеме виднелось пространство странного цвета – это, должно быть, небо. Я думала, что оно светлое, а тут – сплошная чернота. Притормозила рядом с пожилым солдатом, который только что толкнул одного из зомби в сторону выхода, и тот по инерции поплелся туда. Тратить патроны на них глупо, да их даже разрубать на куски – слишком много возни. Проще всего – выгнать наружу и снова захлопнуть двери.

– Как они попали внутрь? – я спросила у него, на что получила предсказуемый ответ:

– Бабе тут не место. Иди вниз!

– Как?! – Раз уж я все равно получу выговор, то хотя бы будет за что.

Он вытер пот со лба рукавом камуфляжной рубахи и решил пощадить мое любопытство: – Они зачем-то столпились возле входа – солдаты решили разогнать, чтобы не заблокировали. Охотников же ждем... А они как внутрь хлынули! Никто ж не ожидал, что их там так много. А следом за ними пытались пробраться и мутанты – всего парочка, мы даже не разглядели. Те исчезли после выстрелов... Все, я пошел, харе отдыхать! А ты вали вниз.

Он тяжело пошагал по мощенной поверхности, а я озиралась по сторонам. Перехватила одного из зомби, который умудрился пройти мимо кордона, и начала толкать его к остальным, то и дело слыша со стороны, чтоб я «валила вниз». Даже помочь нельзя, раз тебе не повезло родиться не того пола? Вокруг царил гам и всеобщая свалка, а кто-то совсем рядом завопил:

– Вентиляторы! Вентиляторы!

Я, как и многие другие, тут же подняла глаза к потолку. Вверх по крутой траектории летели какие-то мелкие снаряды или болты – отсюда было не разглядеть. Не в солдат, а вверх, где у нас располагалась вентиляционная система.

Я побежала вперед.

– Вали вниз! – сопровождали меня недовольные возгласы.

Я уже почти достигла двери, когда увидела – снаружи прямо на земле располагалось что-то наподобие арбалетной установки, которая стреляла под воздействием какого-то внутреннего механизма. Ее не заметили сразу, потому что сразу ее и не было – враги подтащили ее позже, когда солдаты отвлеклись на зомби. Если бы обезьяны показались тут лично, то их бы быстро отстреляли, а небольшая деревянная тележка даже не сразу бросилась в глаза.

Наружная часть вентиляционной системы выходила на поверхность через крышу огромной башни. И если обезьяны еще не научились седлать птеродактилей, то им туда нипочем не добраться. Если они выведут из строя эту систему, то мы, конечно, не задохнемся, но первую зону придется эвакуировать, пока не закончится ремонт. Я остановилась, не обращая внимания на случайно толкавших меня солдат – и они наконец-то тоже перестали обращать на меня внимание. Что-то не так... Обезьяны не могли знать наверняка, где у нас расположена вентиляционная система, могли только предполагать. Ненацеленная арбалетная установка вряд ли причинит серьезный вред системе, а даже если какой-то болт попадет очень удачно... это не то, ради чего обезьяны стали бы рисковать жизнями! Не зомби, а установка была отвлекающим маневром!

Я повернулась в сторону открытого проема и убедилась в собственной правоте. Первый подбежавший к установке получил стрелу в грудь, а его тело кто-то тут же утащил в темноту. Следующего мгновенно перехватил огромный мутант и тоже исчез. Когда солдаты поняли, что происходит, они начали палить в черное пространство, но вряд ли могли прицелиться, потому что уже через несколько метров не было ничего видно. Обезьяны не собирались вырубать нашу вентиляционную систему – они выманивали солдат наружу, чтобы убивать по одному. По рассказам, обезьяны охотятся в первую очередь за медикаментами – наверное, они решили, что походная аптечка привязана к поясу каждого солдата. И хоть это было далеко не всегда так, по моим подсчетам они уже убили пятерых наших. Нет, не всех убили... Буквально в десяти метрах от входа один из раненых солдат пытался подняться на ноги.

Все вокруг тоже уже сообразили, что примерно происходит, поэтому раздавались команды к отбою – сейчас лучше закрыть двери, а оставшихся зомби выгнать потом, когда обезьяны уйдут, или вокруг не будет так темно. Солдат застонал – стрела прошла его бедро, но он пытался двигаться, преодолевая боль. Его-то точно спасти успеем! Я даже подумать не успела, как кинулась вперед, чтобы помочь ему преодолеть последние метры. Но я не успела – прямо на моих глазах огромное существо из темноты ухватило его и так же внезапно исчезло.

– Мутанты! – закричали позади. – Закрывайте двери!

Когда я обернулась, то застала только узкую полоску искусственного света. В ходе тренировок у меня выработались хоть какие-то рефлексы, поэтому я метнулась в сторону – подальше

от основной точки нападения. Паника не давала сосредоточиться. Нет, это не паника – голова кружилась от воздуха, который будто наполнен водой. Я прижалась к стене башни, надеясь на то, что в темноте обезьяны не станут меня искать. Или я уже ни на что не надеялась – просто пыталась не потерять сознание, стараясь не вдыхать слишком глубоко. Вокруг воцарилась полная тишина, которая после криков оглушала. Натянула воротник на рот – через ткань воздух не казался таким жидким. Какое-то время спустя стало понятно, что темнота впереди не крошечная – я начала различать очертания голых кустов, но не спешила шевелиться. Если Отец решит даровать мне новый день, то ни мутанты, ни обезьяны меня не найдут.

Голоса раздалились почти рядом. Я вздрогнула, но не издала ни звука.

– Он куда-то сюда побежал...

– Да видел я. Пересрался поди так, что пятки сейчас сверкают где-нибудь у Города Травы. Тихий смех.

– Шо, До, вы где? Поищите уже, а, ленивые псины!

– Шо за Кирком вроде побежал, его теперь хрен дозовешься, а До, кажется, ранили из огнестрела в самом начале.

– Вот как пожрать – так они в первых рядах, а как делом заняться...

У обезьян не было фонариков и, возможно, это меня спасло. Уверовав в то, что я вряд ли остановилась бы прямо у них под носом, они у себя под носом и не искали. Осмотрелись еще разок да ушли.

Только после этого я выдохнула. Спасибо, Отец! Утром я подойду к двери – и, посмотрев в перископ, мне откроют. Я получу, наверное, десять нарядов от сержанта. Или меня вообще выгонят из гарнизона, но сейчас это почему-то совсем не волновало. Теперь я была согласна с теми, кто считал, что даже во внутреннюю охрану девушек принимать нельзя – я и сама удивлялась непроходимой своей глупости. Удивлялась – но была счастлива до одури, что до сих пор жива. Или этот воздух имеет и опьяняющий эффект?

Через час я уже и слышала лучше – теперь мне казалось, что голые кусты рядом тихонько стрекочут, где-то вдали раздаются звуки, природу которых я по неопытности определить бы не смогла. Обезьяны ушли, сделав свое черное дело. Забрали несколько жизней ради пузырька таблеток и просто ушли. Звери, что хуже мутантов.

Становилось все холоднее и холоднее. Сначала меня трясло мелко, но потом я уже почти не могла контролировать тело. Я никогда в жизни так не замерзала и даже не представляла, что такое возможно. Так... надо вспомнить, как бороться с обморожением. Другой одежды у меня под рукой не обнаружилось, но, если не ошибаюсь, могут помочь физические упражнения... Я не была в этом уверена, да и выдавать себя до сих пор боялась, но со временем поняла – я замерзну тут насмерть, если ничего не предприму. И даже рискуя привлечь какого-нибудь мутанта, я поднялась на закаменевших ногах и попыталась размять мышцы. Страшно хотелось пить, но я заставляла себя наклонять корпус, а потом прыгать. И ведь я даже не представляла себе, сколько еще ждать, пока темнота не уйдет!

Страх прошел, когда самочувствие стало невыносимым: жажда, холод и головокружение делали из меня тряпичную куклу. Отец, будь так добр, подари мне следующий день! Отец! Я больше никогда не попрошу тебя о шансе оказаться на поверхности! Клянусь! Только дай мне возможность вернуться обратно.

Замерла, услышав приближающиеся шорохи. Не вскрикнула, когда зрение обрисовало в темноте очертания мутанта. Существо приближалось ко мне почти бесшумно. Оно было примерно одного со мной роста, но передвигалось на четырех лапах. Я резко выдохнула и вытащила кинжалы – ну что ж, сейчас я или согреюсь, или умру. Приняла боевую стойку. Есть только один шанс убить такого монстра – если попасть ему в горло. Перед глазами зачем-то мелькнули лица отца, матери, Зельмины и Закари, словно я за один миг попрощалась со всеми, кто мне был особенно дорог.

Я даже не испугалась, когда позади мутанта раздались звуки и голоса, ведь уже раньше это поняла – обезьяны нападали вместе с мутантами, они заодно. Чудовища нашли способ объединиться друг с другом против нас. Значит, сначала согреюсь, а потом умру.

Монстр коротко и громко рявкнул.

– Опаньки, Шо кого-то нашел! – тут же отозвался голос дальше. – Не трогай его, псина, живой солдат может и захотеть с нами пообщаться.

Раздался хохот, который меня окончательно выбил из колеи – они совершенно не боятся. Они рядом с нашим сообществом, со всеми нашими военными силами, но они не боятся! Потому что мы боимся их. Мутант замер, будто понимал человеческую речь. Справа ко мне уже подходил мужчина огромного роста.

Я кинулась на него, но он так ловко изогнулся, что мой кинжал рассек только воздух. Тут же отступила назад, не зная, с какой стороны ждать нападения.

– Эй, пацан! – сказал другой с расслабленным смехом. – Поздравляю! Сегодня ты сожрал свою последнюю крысу!

– Сай, нам в этот раз на молодняк везет, не находишь? Тот охотник, что еще живой, теперь этот.

Молодой охотник? В последний рейд из первогодок ушел только Закари! Голова от этой мысли снова закружилась, но я пыталась отбиваться. И все равно пропустила удар в челюсть, после чего из моей руки выбили один кинжал, а вторую перехватили в запястье. Несмотря на боль от завернутых за спину рук, я не позволила себе кричать. Меня тащили куда-то, спокойно переговариваясь между собой, а мутант, который ростом был чуть ли не по грудь более высокому мужчине, семенил рядом, словно их старый друг.

В моменты прояснения сознания я пыталась вырваться, но мужчины были значительно сильнее. На их стороне был еще и этот жидкий холодный воздух. Да и не успею я убежать – знаю, что обезьянам в скорости равных нет. Меня бросили на землю, но я тут же поднялась на ноги, чтобы не стоять перед ними на коленях – они настолько не видели во мне угрозу, что даже руки не связали. Глаза ослепил локализованный огонь, который они устроили прямо посреди пустыни. Еще дальше лежал другой мутант чуть более темного окраса и лизал свою огромную лапу, громко поскуливая. Вздрогнула, когда рассмотрела лежавшее на земле тело. Сначала решила, что Закари мертв, но он начал шевелиться, пытался сесть – и я не знала, насколько это хорошо, что его еще не убили. Сколько еще мучительных часов дарует ему Отец?

Пространство вокруг начало сереть – темнота отступала. Рыже-серый мутант, что отыскал меня, завилял хвостом и подбежал к одному из обезьян, а тот, не страшась, потрепал его за ухом голой рукой. Со всех сторон меня окружали мужчины – все они были высокими и узкоплечими, будто их вытянули вдоль. Общие разговоры прервал голос, на который я и повернулась:

– Это... женщина?

Они уставились на меня, словно впервые видели человеческое существо. Переглядывались между собой, пока у последнего не осталось сомнений. Среди них тоже была женщина, что удивило меня, даже несмотря на положение, в котором я оказалась. Только она шагнула из общего круга ближе, а потом произнесла громко:

– Девушка. Молодая совсем. Я ни разу не видела крысоедок!

– Да никто не видел! – подхватил кто-то. – Они их из подземелья не выпускают!

– Ничего себе, – третий на вид был возраста моего деда. – Девушка... Вот это улов! Волосы-то какие черные! Нал, что это значит, когда такие черные волосы?

Ко мне пригляделся еще один мужчина, моложе, но слишком близко теперь никто не приближался:

– Это называется «доминирующий признак», – сказал он, совсем как наш ученый. – То есть дети у нее, скорее всего, будут тоже с черными волосами.

– Ничего себе, – повторил «дед». – Вот бы мне одну черноволосую доченьку!

Вокруг рассмеялись. Я смотрела на Закари и уже могла различить, что вся его рубаша пропитана кровью. Сколько пыток он уже пережил и сколько ему осталось? Он поднял голову, а когда сфокусировал мутный взгляд, то на его лице отразился неподдельный ужас:

– Кханника, – сказал это довольно тихо, но я расслышала. Как и тот из обезьян, рядом с которым уселся мутант. Он обернулся сначала на моего друга, но через мгновение уже снова смотрел на меня, хмурясь.

Еще один поинтересовался:

– И что с ней делать?

– А что делать? – ответил ему кто-то. – Она же крысоедка! Уверен, женщина окажется поговорчивее... женщин мы еще не допрашивали. Слово за тобой, Тара.

Они говорят о пытках. Я старалась не выдавать даже взглядом, как меня страшит... нет, даже не боль, а то, что я могу не выдержать. Теперь население в десять тысяч не казалось такой уж хорошей цифрой. Если они узнают, что нас так мало, то могут организовать нападение сразу на все входы – и пусть они понесут большие потери, но кому-то удастся пробиться внутрь. Они этого не делают только потому, что просто не знают, как нас мало. На этот раз снова заговорила женщина:

– Пусть она и крысоедка... Но ведь она может рожать детей. По-моему, это важнее, чем узнать, где у них располагаются системы подачи воздуха и сколько их там.

Многие тут же и как-то слишком легко согласились с этим решением. Я смотрела на них так же пристально, как они на меня, слушая, как решается моя судьба.

– Верно, Тара. Беременная девчонка – это лучший подарок Городу, который мы можем привезти. Кто ее возьмет?

Беременная? Я мгновенно забыла о Закари и пытках, потому что боялась даже мысленно повторить это слово.

– Да кто-нибудь уж точно возьмет, – ответил ему со смехом один из тех, что захватили меня.

Под взрывы довольного хохота я упала снова на колени. Я не могла думать о том, что только что услышала – они хотят... Они хотят делать «это» со мной, все по очереди? Десять... нет, одиннадцать взрослых мужчин спокойно обсуждают то, за что у нас в центральном зале прилюдно кастрируют, и никому из зрителей не пришло бы в голову пожалеть орущую жертву! Голова снова поплыла, а желудок подобрался к горлу от тошноты. Сейчас уже стало не до гордости... Я была готова плакать, была готова побежать, чтобы получить стрелу в спину. Я была готова просить о том, чтобы они содрали с меня кожу – любая боль лучше, чем то, что они собираются сделать.

– Почему она на ногах не стоит? – строго поинтересовалась женщина, а ей ответили:

– Прости, командир, я же не знал, что это девушка! Может, и шмякнул где-то по глупости.

Слезы сами потекли по щекам, хоть я и не хотела их радовать своей слабостью. Губы разомкнулись и начали бормотать. Они притихли, будто вслушиваясь в мои мольбы: «Мне не нужен следующий день, Отец!».

– С кем ты разговариваешь? – один из мужчин подошел ближе, а я дернулась от него, и уже непроизвольно закричала:

– Убейте меня. Прошу, умоляю! Убейте... только не насилуйте... Пожалуйста... прошу...

В этой мольбе не было смысла, но я просто не могла молчать, полностью осознавая свою слабость перед ними. Не знаю, какая глупая надежда мною руководила, но я снова подняла голову и переводила взгляд с одного лица на другое, словно среди обезьян хотела отыскать того, кто пощадит меня – и перережет мне горло. Но они, кроме одного, рядом с которым стоял мутант, недоуменно улыбались. Поэтому я старалась сосредоточиться именно на нем –

давай же, пусть твой монстр съест меня, отдай ему команду! Но он смотрел не с жалостью, а с интересом, бросая задумчивый взгляд то на меня, то назад, на Закари.

Следующий вопрос потряс меня своей издевкой:

– Нал, что такое «насилуйте»?

Тот, к кому обратились, почесал лоб и пожал плечами:

– Что-то не припомню такого. По морфологии слова предполагаю, «не применяйте насилие».

– Надо было брать с собой умного читателя, а не это вот! – сделал вывод мужчина справа, вызвав очередной взрыв смеха. – Нестыковочка, Нал! Она же просит ее убить, как же это сделать совсем без насилия? Или крысоедки все такие нелогичные?

Они пытались даже у меня спросить значение этого слова, но теперь я замолчала, понимая, что они попросту насмежаются. Неужели женщина, пусть даже и обезьяна, сможет спокойно на это смотреть? Они назвали ее «командир»... Я посмотрела на нее – она и заговорила:

– Кирк, бери ты ее. У тебя дети здоровые, – кажется, она обратилась к парню с мутантом.

Он выглядел моложе остальных, не больше двадцати пяти лет, и был самым светловолосым – будто седой. Он не смеялся с остальными и до сих пор не произнес ни слова.

И снова вмешался самый старший из них:

– Да Кирк только сыновей способен строгать. А вот у меня дочь родилась!

Кто-то позади меня ответил:

– Когда это было, Пак? Еще до взрывов? Если Кирк отказывается, давайте кости бросим!

– Ты лучше свои кости брось на Каё, что живет в твоём доме! И то не сможешь даже сына ей подарить!

Кажется, они могут смеяться вообще без остановки. Из всех этих переключек я поняла только то, что насиловать меня будет кто-то один, а не все. И то, и другое – ад. Я не видела ни малейшего утешения в изменении правил.

– Мне ее на привязи, что ли, держать? – раздался и его голос – я почему-то сразу это поняла, хоть и смотрела в землю. – Предлагаю передать ее Совету – пусть они решают.

– Ага, а из нас никто не в курсе, что Совет возглавляет твоя мать, а ты у нее – любимый сыночек. Ну и чего тянуть пса за яйца, Кирк?

Сознание резко прояснилось. Потому что ужас, который я сейчас переживала, оказался больше, чем моя голова способна была вместить. А ясный ум позволил вспомнить о том, что я в этой мешанине эмоций упустила. Я посмотрела вдаль на светлеющий с каждой минутой горизонт. Небо оправдало мои ожидания – оно действительно настолько красивое, что режет глаза. Потом нашла в себе силы взглянуть на Закари. Кажется, он плакал – а я никогда до сих пор не видела, чтобы Закари плакал. Прости, мой самый лучший друг, сегодня моя очередь принимать наказание, и я ничем не могу тебе помочь. Протянула руку к лодыжке – там многие из девушек носили тонкое лезвие, которое могли применить в самом крайнем случае – если на нее нападет насильник. И этот случай в моей жизни наступил. Закари кивнул мне, поддерживая – он понял мое решение. Конечно, всех я не смогу убить – каждый из них сильнее и быстрее меня. Достаточно убить только одного человека. Улыбнулась горько и снова встала, хоть тело и шатало из стороны в сторону. Смех и разговоры вокруг смолкли, но меня перестали интересовать эти мужчины и одна женщина, которая, как и положено обезьяне, тоже оказалась монстром. Никто из них не стоял достаточно близко, чтобы успеть остановить меня. На всех них мне было плевать – только один человек тут заслуживал моего последнего внимания.

Резко приставила лезвие к горлу, а женщина вскрикнула: «Назад! Никому не шевелиться!». Я же набрала полные легкие этого противного, будто перемешанного с водой воздуха, и крикнула:

– Встретимся у Отца, Закари! Прости, что не жду тебя!

– Пусть твоя рука будет крепкой, – ответил он хрипло, но уверенно. – Не волнуйся, я скоро догоню.

Я отвела лезвие немного, чтобы хватило одного удара, но остановилась от тихой фразы в полной тишине, которая теперь была наполнена заметным напряжением:

– Хочешь, чтобы охотник жил?

Это сказал парень с мутантом. А рука застыла, но лезвие я держала рядом – ни один из них не успеет подбежать. Он продолжил:

– У него всего двух пальцев не хватает – охотник вполне еще может вернуться в подземелье. Тебе решать. А если убьешь себя, то обещаю – он будет умирать до самой осени.

Мои глаза округлились, а от предоставленного выбора меня снова захлестнула паника. Он предлагает отпустить Закари, а взамен им останусь я. Если я не умру сейчас, то буду умирать до самой осени, что бы ни значилось под этим словом... Отец, как можно дать человеку такое испытание?

– Нет, Кханника, нет! – Закари захлебывался собственным криком, пытался подняться на ноги. – Нет! Они все равно меня не отпустят! Кха...

На него никто, кроме меня, даже не посмотрел. А перед глазами всплыла картина, как почти два года назад – целую вечность назад – он подошел к окну архива, потому что тогда была его очередь принимать наказание. Закари... Если бы он был девушкой, то я бы обязательно создала с ним семью, потому что ближе него у меня никого не было за всю мою недолгую жизнь. Я просто не могу принять это решение. Пальцы онемели и выронили лезвие. Небо, мир, все вокруг снова стало черным, я слышала только отчаянье Закари и мысленно просила у него прощения за то, что ему придется жить с этим.

– Она не способна рожать детей! – кричал мой друг, а я сквозь слезы ничего не могла видеть. – Радиация! Она не способна! Убейте ее!

– Успеется еще, – тот же спокойный голос уже гораздо ближе.

Глава 4

Кирк

Конечно, мы тут же забыли о призраках, хотя затея Дика и сработала – нам было весело. И еще мы лишний раз убедились, насколько трусливы крысоеды. Даже вооруженные огнестрелами, они побоялись выйти в темноту, чтобы выловить нас, посягнувших на их дом. Но сейчас эти впечатления отступили, и все внимание было уделено пленнице – первой женщине их племени, которую мы видели.

Она вела себя странно и постоянно тряслась. Наверное, после душного замкнутого пространства любой ветерок они воспринимали с трудом, хоть лето и выдалось жарким. Судя по всему, зиму вообще ни один из них не пережил бы. Она кричала всякий раз, как к ней кто-то подходил, и мы останавливались от непонимания – вот, что значит нет привычки обращаться с крысоедками. Только Тара наконец-то смогла приблизиться и схватить ее за руку – та была порезана тонкой бритвой, которой девчонка собиралась убить себя. Я никак не мог понять, как она на такое решилась. Настолько труслива, что боится допроса? Наверное. Мы никогда раньше не пытали женщин, но если бы возникла такая необходимость, то пошли бы и на это. К счастью, я вовремя заметил их с охотником реакцию друг на друга. Этот парень не кричал даже, когда я срезал лоскуты кожи с его живота, а тут разнылся, как ребенок! Словно боялся за нее... но при этом просил ее убить – непонятно. Зато я не ошибся в главном – эти двое были не просто знакомыми. Зеленую ящерицу мне в зад, если она не жила в его доме.

Мы обустроили лагерь за первым холмом – там были и заросли небольших деревьев для костра, и мутанты попадались. Возвращаться в Город пока не было необходимости – запасов еще предостаточно, чтобы не торопиться. И лучше всего принести скорнякам побольше меха и кожи. Мы не боялись ставить палатки всего в паре километров от подземелья: крысоеды никогда не выходили наружу большими группами.

Пленников привязали к деревьям, но не усадили рядом. Всем было интересно рассмотреть девчонку. Совсем невысокая, но обладает женственной фигурой, насколько можно разглядеть под неуместно широкой одеждой. На лице ссадина, но глаза такие... пронзительные. Я не хотел брать ее себе, но – если уж быть до конца откровенным – меня тоже одолевало любопытство. Пусть Совет Города разбирается, что с ней делать.

Тара перевязывала ей руку, когда и мы решились подойти.

– Как тебя зовут? – спросил Нал – только он умел делать голос таким мягким.

Она же, вместо ответа, уставилась на меня:

– Вы обещали его отпустить!

Я обернулся на другого пленника:

– Отпустим. Когда сами решим отсюда уйти. Теперь, когда он знает, сколько нас, то может привести отряд с огнестрелами.

Она посмотрела на меня недоверчиво, но продолжала наглеть:

– Он умрет от заражения крови, если ему не оказать помощь!

А я-то думал, что все, кто способен умереть от заражения крови, – умерли пару поколений назад. Хотя крысоеды в своем уютном гнездышке могли быть и неженками.

– Мы отпустим его. Завтра, – ответил я. Мне очень нравилось, как она пыталась прожечь меня взглядом – такие женщины и в постели особенно страстные. Лишь бы в процессе не орала, как Тара, до самого Города Звезды.

Дик оторвал от нее взгляд:

– И что, правда, его отпустим?

Тара закончила с рукой пленницы и поднялась на ноги.

– Знаешь, Дик, почему тебя женщины не любят? Потому что ты тупой, как призрак. И ухаживать за дамами совсем не умеешь! А вот Кирка женщины любят... Я за водой, не передеритесь тут без меня, мальчики.

– Не понял... – приятель уставился на меня, требуя объяснений.

Я не знал, почему это решение приняла Тара, но мои внутренние рассуждения сводились к следующему:

– Я думаю, что она жила в доме того крысоеда. Они точно не чужие люди. А женщины бывают сентиментальны. Если мы на ее глазах перережем ее любовнику горло, то она очень нескоро согласится рожать кому-то из нас детей.

– Чего это она не согласится? – вмешался и Нал. – Она же тоже человек!

Девушка сморщилась так, будто ее вот-вот вырвет. Вернулась и Тара, неся бутылку с водой:

– Кирк все верно говорит. Чем больше мужчина дает женщине, тем шире она раздвигает ноги! Знал бы ты это, Нал, не был бы таким смешным в постели!

Пленница находилась в полуобморочном состоянии, когда Тара влила ей в рот жидкость. Только потом напоили и охотника – нас как-то не особо заботило, доживет ли он до завтрашнего дня. Я все же шагнул ближе, ощущая трепет в груди от того, как она пытается сжаться. Присел рядом:

– Мы его отпустим – ты сама слышала. Но тебе полагается быть приветливой за такую-то услугу, – я подождал, пока она сможет снова прямо посмотреть на меня. И ресницы черные – да за дочь от нее Города могут и войну друг другу объявить! – Назови свое имя, или я отрежу ему еще один палец – тебе на память.

Девушка заметно испугалась и выдавила:

– Кх... Кханника.

– Хани? Ника? – переспросил я.

Дик позади хохотнул:

– Кто додумался давать детям такие длинные имена? И парня она называла тоже какой-то подобной белибердой... Закупорьте-мне-все-дырки-шоб-у-меня-хрен-отсох или как-то так.

Я только головой покачал. Их длинные имена – тоже следствие их расслабленной жизни. Они и не думают о том, что в схватке с врагами, при нападении мутантов или другой опасности нужно что-то короткое, причем такое, чтобы было мгновенно понятно, к кому обращаются.

После полудня все разбрелись по делам. Трое отправились выслеживать мутанта, почти все остальные собирали в мешки кактусы. Из этих растений получается превосходный самогон, а такой сорт рядом с Городом Солнца не растет. Кто-то просто бродил в поисках новых растений – знахари иногда находили им лечебное применение или хотя бы выдавали вердикт, пригодны или непригодны те в пищу. Поскольку они это собственным языком и проверяли, то частенько знахарей приходилось откачивать – и далеко не всегда это удавалось. Я решил взять арбалет и посмотреть, не летает ли в округе птеродактилей, хотя местность тут была совсем тихой. Нам незачем оставаться в этом лагере надолго – с утра соберем вещи, сгрузим на Шо, раз До еще прихрамывает, и пойдем куда-нибудь еще. В палатке обмотал голову тряпкой и взял оружие. Прислушался. Наши пленники, оставшиеся без пристального внимания, начали общаться.

– Я не уйду без тебя, Кханника, – голос парня.

Она ответила тут же – и более звонко, чем говорила с нами:

– Уйдешь! Помнишь, Закари, нам было лет по восемь, когда мы решили, что получать наказание обоим ни к чему? Умирать нам обоим уж точно не нужно.

– И как же мне жить потом, зная, на что ты пошла? Они все равно убьют тебя. Сначала поиздеваются вдоволь, а потом убьют.

– Так и будет. Но ты утешайся тем, что мне повезло хотя бы в том, что я бесплодна... Так что мне не придется жить слишком долго.

– Я не смогу... Кханника...

– Сможешь! – ее голос стал совсем уверенным. Женщина, утешающая мужчину, – это совсем по-нашему. И кажется, я ошибся на их счет. Она не просто жила в его доме, а что-то еще ближе. Возможно, сестра. Смог бы я отдать жизнь за жизнь одной из своих сестер? К счастью, мне никогда не приходилось об этом задумываться.

Они долго молчали, а потом девушка заговорила тише, печальнее:

– Передай Зельмине, чтоб не плакала по мне. Пусть создаст семью... Если Отец позволит мне на нее потом взглянуть... ты скажи ей, я буду рада, если она будет жить счастливо.

Снова тишина.

– Я передам... Но она все равно станет плакать.

Конечно, я не понимал, о чем они говорят, но будто заразился этой тоской.

– Тебе больно, Закари? Обезьяны отрезали тебе пальцы?

– Нет, мне не больно.

– Врешь. Но это ничего... И если Отец позволит мне взглянуть на тебя, а я увижу, что ты печален, то я тебе потолок на голову скину!

– Я найду тебя, Кханника. Если ты еще будешь жива, то я найду тебя... Обещаю!

Я вынырнул из палатки, но успел сделать только пару шагов, как прямо перед моим носом пронеслась капля.

– Дождь! – заорал я, но со всех сторон уже бежали наши, поглядывая вверх, чтобы попытаться увернуться от тяжелых густых капель.

Все спешно забегали в палатки, Шо и До тоже вскочили на ноги, но они дождя не боялись. Кислота не была настолько сильной, чтобы убить или серьезно покалечить, если только под этим дождем на часок не остаться, но получить пару долгозаживающих язв – то еще удовольствие. Я бросился к девушке, отвязал ее руки и зашвырнул в ближайшую палатку.

– Что происходит? – она, видимо, успела только уловить всеобщий ажиотаж. – Закари!

– Черт...

Я схватил плащ, сделанный из той же кожи, что и палатка, и снова выбежал наружу. Широкоплечее тело охотника толкнул туда же, а потом сразу опять связал ему руки за спиной – у него удар крепкий, может и натворить дел, пока все прячутся от кислотного дождя.

– Черт, – повторил я. Одна капля все же вскользь попала мне на руку – теперь ожог зудеть будет чуть ли не месяц.

Даже и не знаю, с чего вдруг во мне зыграло такое благородство – спасти крысоеда. Я не хотел задумываться о том, что таким образом... может быть... вероятно... да нет, полная чушь... я пытался заполучить ее благодарность? Наверное, эта мысль сидела сегодня в каждом из нас – даже в тех, кто не способен к зачатию. Мечтать-то не вредно! От представления, что она рождает моего ребенка – с такими же черными волосами, аж в животе скрутило. А уж матушка была бы вне себя от счастья...

Эти двое, правда, едва оказавшись рядом, тут же попытались придвинуться ближе.

– Покажи руку, – шептала она.

– На тебя попала кислота, Кханника? – одновременно с ней заговорил и он.

Я достал нож, демонстрируя, что не позволю им начудить, но вслух почему-то сказал:

– Ладно, можете на прощанье поцеловаться. – Это был акт исключительного благородства. Кто еще бы дал врагу такой подарок – попрощаться с дорогим человеком?

Но они оба на меня уставились с таким отвращением, будто я при них начал кишечник опорожнять. Наверное, все-таки брат – у некоторых людей есть предубеждение против инцеста.

– Ладно, можете не целоваться.

Кислотный дождь обычно был недолгим. Туча просто отравит землю редкими каплями и рассосется. Так же быстро, как и собралась. Это вам не водяной дождь, который может даже

ливнем разойтись – они и по цвету различаются. Шо и До скакали вокруг палаток, радостно лая.

Мне не ответили и больше не разговаривали даже друг с другом. Я им обоим жизнь спас, а одного крысоеда даже отпустить хочу – никакой благодарности! Но парень повернулся ко мне и будто заставил себя произнести:

– Пожалуйста, убей ее. Ведь у тебя, наверное, тоже есть сердце...

Я заинтересованно пододвинулся ближе, вглядываясь в скуластое лицо:

– Почему ты так хочешь ее смерти? Ведь мы не бьем ее, не допрашиваем. И я не знаю, способен ли кто-то из нас отрезать женщине палец – ведь у каждого из нас есть Мать.

Он свел брови:

– Это лучше, чем если вы будете насильно делать с ней «это».

– Что – «это»? – я действительно не понимал.

Его будто обнадежило мое любопытство – да он за весь допрос и двух слов не сказал, а тут... прямо болтун:

– Она бесплодна. Я клянусь Отцом, что это так!

– Мать моего второго сына тоже думала, что бесплодна.

– Нет! – да он даже осмелился перебить меня. – Ей делали тесты!

Я улыбнулся от этого почти забытого слова, которое употребляли только читатели:

– Ну, так и мы делаем... «тесты». И иногда «тесты» показывают, что с одним мужчиной женщина бесплодна, а от другого несет после первой же ночи. Сколько мужчин ей... делали «тесты»?

Я старался говорить на его языке, но он явно не мог уловить мою мысль:

– Нет! Тесты в лаборатории! Ученые... понимаешь?

Не особо, если честно. Какие-то тесты, какие-то ученые... Надеюсь, она мне сама это со временем объяснит. Мне? Неужели я уже настолько уверен, что Совет отдаст ее мне? Ну не Паку же ее отдавать... делать «тесты».

– Она совсем молода, – заметил я. – Никто не может быть в этом уверенным. А ты... приведи в свой дом другую женщину. Или жди, что Мать родит тебе другую сестру. И надейся на то, что ты ошибаешься. Тогда твою Хани ждет прекрасная жизнь – уже после первого ребенка все забудут, что она крысоедка.

Сам предмет нашего спора сжался в комочек и тихо поскуливал – совсем как Шо, когда был щенком.

Тара заглянула к нам через минуту после последней капли, стукнувшейся о крышу палатки.

– Ох, Кирк! Теперь тебя все будут звать «Спаситель крысоеда», а это куда смешнее, чем «Пятнадцатилетний скорострел»! Сай уже предложил и парня тебе отдать – якобы, и он от тебя через девять месяцев родить сможет, раз у вас уже такие нежности начались! – она расхохоталась. – Все, вяжи его обратно к дереву. Эй, как там тебя? Тут останешься или айда с нами на природу – привыкай, детка, к вольному воздуху!

Девчонка глянула на нее со страхом. И тут же снова попыталась вжаться в мягкую стену. Пришлось ее силой вытаскивать – кормить, поить... Но она сделала только маленький глоток воды, а от пищи вовсе отказалась. Ничего, смирится.

У костра да после трех залпов самогона уже никто не возражал, что утром мы отпустим парня-крысоеда – он все равно нам ничего не расскажет, а догнать их отряд нас сможет, только если мы на брюхе поползем, лениво шевеля конечностями. Мы никогда раньше не отпускали охотников живыми, но почему-то это решение далось легко. Мы не отличаемся особой жестокостью, просто делаем то, что нужно. А он провел с нами больше времени, чем любой его предшественник, да и ребенок совсем. Убивать детей и женщин – это немного не то, о чем

можно с упоением хвастаться матушке. Мы даже допрашивали его как-то без огонька. Может, и с этой Хани станет проще общаться, когда она не будет бесконечно смотреть в его сторону?

Глава 5

Кханника

Они и правда отпустили Закари, а он очень долго стоял и смотрел на нас с холма. На меня смотрел. «Я обязательно тебя найду», – сказал он, и я верила, что он хотя бы попытается. А мне даже не дали возможности убедить его в том, что к тому времени будет поздно. Даже если мое тело будет жить, то мою личность уже уничтожат – я стану зомби. Вот бы еще не чувствовать ничего и не мыслить, как зомби. Поначалу я думала, что эта тоска меня никогда не отпустит, но я ошибалась.

Через два перехода мне развязали руки, всегда давали еду и питье. Они знали наверняка, что бежать отсюда я уже не смогу. Зато у меня появилась свобода убить себя или того, кто захочет сделать со мной «это» – и я эту свободу приберегла, оставила на потом, до худших времен. Потому что никто на мое тело так и не посягал. Они часто пошло шутили и иногда серьезно обсуждали самые откровенные темы – как нормальные люди обсуждают свой обед, но меня и пальцем не трогали. Видимо, это и притупило мою бдительность. Я расслаблялась. И даже иногда думала о том, что всю жизнь мечтала побывать на поверхности, увидеть небо и звезды, хоть издали посмотреть на странных животных – и добрый Отец дал мне такую возможность. Проси – и даровано будет тебе; священник в храме не обманывал. И я решила этой возможностью воспользоваться, а убежать, чтобы меня тут же сожрал птеродактиль или мутант, всегда успеется.

Мне приходилось и общаться с ними. Конечно, я держалась поближе к Таре. И ей, сгорая от стыда, говорила о том, что мне нужно в туалет, или у меня началось ежемесячное кровотечение. Она все же была женщиной, поэтому относилась к моим потребностям с пониманием. Правда, у вечернего костра спокойно рассказывала обо всем остальным. Я была готова провалиться сквозь землю, когда они обсуждали это. Я была готова броситься в костер, когда она во всеуслышанье заявила, что «внизу у меня такие же черные волосы», вызвав восхищенные взгляды в район моего этого самого «низа», к счастью, скрытого под штанами. У них будто вообще не было стыда, они запросто могли поднять любую тему, которую у нас даже в семьях поднимать было не принято. И тем не менее, в обществе Тары мне было относительно спокойно. Когда я поняла, что меня никто не собирается держать на привязи, то сама шла за ней ночью в палатку, чтобы лечь рядом. Там же спал еще один мужчина, а иногда и двое, но в ее присутствии это хотя бы не было так ужасно. Человеку нужен хоть кто-то близкий – и когда все вокруг чужие, он находит того, кто чуть ближе, чем все остальные.

В ней было мало женственного, и тем не менее, я только ей могла сказать, что мои ноги болят, что я больше не могу идти – моя обувь развалилась уже через несколько дней; что мне очень холодно, особенно по ночам. Она смеялась над моей изнеженностью, но помогала. А потом рассказывала остальным о моих жалобах, вынуждая меня краснеть – словно мне было важно мнение этих животных. Но ведь они должны понимать, что я за всю жизнь такого состояния не прошла, как за последнюю неделю.

В итоге меня определили к вещам – то есть пристегнули кожаными ремнями на спину одного из мутантов. Сначала было очень страшно, но как я очень скоро выяснила, и Шо, и До оказались добродушными зверями. Я даже припомнила, что когда-то видела на картинке в книге изображение домашнего питомца, который, вероятно, и стал прародителем этих чудищ. Псины очень много ели, но им подходило и мясо мутантов, поэтому с кормежкой проблем до сих пор не возникало. На них перевозили большую часть вещей... и теперь меня, а через пару дней даже мои стопы начали заживать – не без помощи трав, которые мне собрал Пак. И наверное, самая главная заслуга Шо и До – по ночам все в лагере спали спокойно и не думали о том,

чтоб выставлять часовых. Потому что при малейшей опасности псины поднимали шум. Питались мы пресными булками и засушенным мясом. Часто удавалось подстрелить птеродактиля или найти заросли диких съедобных корнеплодов. Обезьяны отделяли шкуры и кожи, иногда крупные кости пойманных мутантов, нагружая псов еще сильнее. Наверное, домой они направляются, когда закончатся припасы, или когда мутанты уже не смогут так резво скакать с поклажей по пустыне. Еще пара птеродактилей – и они уже не выдержат, как я думала, но, видимо, псины были сильнее, чем можно было предположить по их устрашающему внешнему виду.

Когда мне впервые протянули крюк с куском жареного мяса птеродактиля, я не выдержала и поинтересовалась:

– Вы это едите?

– Ты только попробуй, какая вкуснятина! – Пак передал мне и ломоть булки. – Прости, дорогуша, но крысы тут не водятся, так что привыкай.

Я оторвала зубами кусочек – суховато, но на вкус напоминает меховушку – пушного травоядного зверя, которого выращивают дома. Эти зверьки хоть и отвратительны на вид, но дают теплый мех и съедобное мясо, а плодятся так, что если им дать волю, они все шесть зон бы своим потомством заселили.

– А что такое «крысы»? – прожевав, поинтересовалась я. Когда Тара находилась неподалеку, я теперь и с остальными могла беседовать – и даже не заставляла себя, потому что любопытства у меня всегда было в переизбытке.

Но этот вопрос вызвал озадаченную тишину. На меня все уставились, будто это я – а не они – сморозила какую-то похабщину, оскорбляющую уши Отца. Я снова напряглась и кое-как проглотила мясо, медленно двинулась в сторону Тары. Гораздо позже выяснилось, что я никого не обидела, крысами они называют наших лысей! Конечно, для этого пришлось долго дискутировать с Налом и рисовать палкой рисунки на песке. Нал был самым умным из них – и с ним мне общаться было проще всего после Тары. Он не был красив по нашим меркам – слишком худой, заостренный нос, плешина, обрамленная редкими рыжими волосками, но являлся обладателем добрых глаз и еще...

Еще Нал пел песни – нечасто и после долгих уговоров. Но я никогда не забуду свое первое ощущение, когда это услышала. Он длинно растягивал какие-то слова, причем на каждом звуке менял интонацию. В итоге получалось что-то настолько приятное, что сердце начинало замирать – от радости или грусти, в зависимости от того, какие слова он тянул и как часто менял созвучия. Это называлось «песня», как мне объяснила Тара. У нас на танцах играла музыка, но она была совсем другой – без слов, одни лишь барабаны. Наши музыканты так в этом преуспели, что выдавали сложные и красивые ритмы, но это было нечто совсем иное. Когда пел Нал, звук становился многограннее, глубже, проникал до самого нутра, а некоторые иногда тоже подхватывали какие-то фразы, которые уже всем были известны. Но лучше Нала никто не мог тянуть «Матушкины слезы»:

– Я вернусь домой. Ты дождись, матушка.
Перед грустью твоей склоню голову.
Свет хранит меня, словно ты рядышком.
Раздели этот мир на детей поровну.

Или что-то на совсем другой мотив:

– Глаза у рыжухи синие,
А брови – как темные тучи,
И платья ее – красивые!
Но голая все-таки лучше.

Мне нравились даже такие песни, потому что дело было не в словах, а в дребезжании его голоса. А еще они иногда пили что-то настолько вонючее, что меня воротило от одного только запаха. Этим же веществом промывали раны. Конечно, и мне предложили самогон, который я решила попробовать только через пару недель. Глотнула, словно воду, но на вкус оказалось даже хуже, чем я ожидала. Но не желая слышать их смех, я заставила себя сделать еще глоток и не выплюнуть. Жидкость эта производила странный эффект на сознание – люди становились чуть веселее, шутки – еще похабнее, чем обычно, песни звучали громче и звонче. Мне же захотелось спать – настолько, что я не могла удержать глаза открытыми.

Но сразу же очнулась от дремоты, когда Дик, который сидел справа, положил руку мне на грудь и сжал. Я скорее рефлексивно, чем полностью осознанно, схватила его огромную ладонь и вцепилась в нее зубами со всей мочи. Тара кричала, но никак не могла меня оторвать, а только потом Дик треснул меня другой рукой по лицу. Испугалась я гораздо позже – видя его бешеные глаза и окровавленную ладонь, которую он демонстрировал остальным под всеобщий смех.

– Я же ничего такого не сделал, чтоб меня так! Мне ж просто интересно было... Ну что я сделал-то?

Тара утаскивала меня в свою палатку, когда я слышала:

– Кирк, твоя женщина бешеная. Ты ее на цепь посади, пока она тут нам всем конечности не поотгрызала!

– Так я...

– А я был бы не против, чтоб она мне кое-что отгрызла... Последнее приключение в жизни! А на моей могиле вы бы грустно говорили: «Он погиб героем, не побоявшимся засунуть причиндалы в пасть врага!».

– Пак, а разве у тебя там еще что-то осталось? Не истерлось за столько-то лет?

Тара была в ярости. Перепуганная до смерти, я пыталась отдалиться от нее, но размеры палатки не позволяли этого сделать. К счастью, она не стала меня бить, а после целой череды нецензурщины немного сбавила тон:

– Ты чего на людей кидаешься?!

– Он... – я понимала, что надо заставить себя хоть что-то отвечать, но у меня не выходило.

– Дик сделал тебе больно?!

Захотелось снова плакать. Словно накопившиеся слезы, которые я сдерживала все последние дни, собрались у моих глаз и только ждут команды.

– Тара... Он трогал меня...

– И что? Если бы он сделал тебе больно, то все бы поняли! Разве ты кидаешься на всех, кто тебя коснется? Я ведь тебя трогала – и гляди-ка, все руки целы!

– Да... но...

Она вдруг притихла и даже села рядом:

– Хани, а сколько у тебя было мужчин? Хотя бы примерно.

Первая слеза все же пробила дорогу наружу.

– У меня не было... мужчин.

Она округлила глаза и отвесила челюсть, как если бы я заявила своей матери, что у меня были мужчины.

– Подожди-ка... Сколько зим ты пережила?

– Ты имеешь в виду, сколько мне лет? Восемнадцать.

Она погладила меня по плечу – и это странным образом успокаивало:

– Хани, но как же так получилось? Ведь это одна из первичных потребностей... Неужели тебе никогда не хотелось удовлетворить свое желание? Или у тебя нет таких желаний?

Я решила, что если Тара меня не поймет – то уже и никто. Поэтому надо говорить, объяснить, чтобы хоть кто-то остался на моей стороне:

– Если ты говоришь об «этом», то у меня была девушка! Зельмина...

– Девушка? – ее суровое лицо вытянулось до неузнаваемости.

– Да, Зельмина! Я ведь говорю... Если бы ты увидела ее, то сказала бы, что она совсем некрасива. Но это только на первый взгляд! – тараторила я. – Она... самая ласковая и добрая! С ней никогда не бывает скучно. Мы хотели создать с ней семью после совершеннолетия, даже начали копить талоны на квадрат...

– Подожди-подожди, – она меня прервала. – Ты занималась любовью только с этой своей... Зельминой? Но как?!

Это уж совсем неприличный разговор, но у обезьян и нет понятий о приличии. Я уже перестала бояться, понимая, что Тара наказывать меня не собирается, но краснела:

– Я... это... это приятно.

– Кирк! Иди-ка сюда, мальчик! – неожиданно громко крикнула она.

Страх накатил с новой силой, я вцепилась в ее рубаху двумя руками, умоляя:

– Не надо никого звать! Я прошу! Я только с тобой могу... о таком... Прошу!

Но она хмурилась:

– Не потому ли ты за мной бегаешь, как щенок на привязи? Решила, что я с тобой... О, паучье отродье!

Она, должно быть, спрашивает о том, нравится ли она мне. Я как-то об этом не задумывалась – Тара намного старше меня, у нее красивые светлые волосы с рыжиной, которые она всегда убирает в высокий хвост, но черты лица грубые... Но ведь и Зельмину я красавицей не считала. Нет, Тара мне в этом смысле совсем не нравилась, но если бы меня заставили выбирать, с кем из знакомых обезьян создать семью, то ответ очевиден.

– Тара... Я не знаю. Мне с женщиной...

– Чего? – это Кирк, нагнувшись, прошел в палатку и уселся возле входа.

Я так и держала пальцы сцепленными на ее одежде:

– Пожалуйста, пожалуйста, не говори... Пожалуйста!

Тара смотрела на меня, как в самый первый день – как на совсем чужую, незнакомую, не ту, кто засыпал под ее боком. Она повернулась к Кирку и спросила, оставаясь погруженной в собственные мысли:

– Чего там Дик? Жить будет?

Парень смотрел на меня, отвечая ей:

– Полчашки самогона творят чудеса. Но ей придется извиниться за это. Зная Дика, он потом тоже извинится за то, что ударил ее.

Я ему в глаза посмотреть не решалась. Тара обратилась ко мне, произнося слова строго:

– Хани, со мной в палатке ты спать больше не будешь, ясно?

Ужас заставил меня снова уставиться на нее.

– Спи в любой другой, или на воздухе, или в обнимку с псами – мне без разницы. Но дам тебе один совет: сейчас держись поближе к Кирку – он моложе Пака, и у него здоровые дети. Он скорее других... избавит тебя от этой напасти.

Я сморщилась и не могла с этим ничего поделать. Она, видя мою реакцию, продолжила спокойнее:

– Если тебе не нравится Кирк, то выбери себе другого мужчину. Даже если он бесплоден – это все равно лучше, чем... В любом случае, выбирает женщина, хоть и крысоедка!

Кажется, она впервые за все время вняла мольбам и не стала раскрывать мою тайну – а может, расскажет остальным потом. Я уже чуть раньше поняла, что силой брать женщин у них не принято, потому что само собой подразумевается, что она когда-то сама захочет «этого». И у них до сих пор не было «трофейных» женщин, которых непонятно как делить, и поэтому

просто стали относиться ко мне, как к одной из своих. Они вроде бы «отдали» меня Кирку, но при этом спокойно лапают за грудь, и сам он ни одним словом не обмолвился о том, что имеет на меня какие-то права. Но что они станут делать с той, которая никогда не захочет добровольно выбрать себе мужчину? Неужели все их женщины на это соглашаются? Все это время они ждали, как Шо свой ужин, когда я сама решу? Но если я этого не сделаю, то наверняка решат за меня.

И снова то же оцепенелое состояние, что и в первый день. Теперь я даже не знала, что хуже – когда тебя насилуют, или когда ты сама соглашаешься и молча терпишь боль и унижение. Наверное, Отец бы понял только первый вариант. Во втором случае... это осознанное грехопадение, когда ты перестаешь чувствовать себя человеком.

Выгнанная из палатки Тары, я, конечно, и за Кирком не пошла – да он и не звал. Когда все расходились на ночевку, ко мне подошли Дик и Нал. Первый молча продемонстрировал руку. А я с нарастающей злостью подумала только о том, что она точно выглядела лучше, чем у Закари! И выплюнула ему в лицо слова:

– Я не собираюсь извиняться! И попробуй еще раз меня тронуть – я тебе горло перегрызу!

Пусть снова ударит меня, пусть вообще избьет до смерти – мне все равно. Я не собираюсь жить по правилам этих дикарей! Но он, к моему удивлению, просто отмахнулся:

– Вы там от мяса крыс, наверное, все уже с ума посходили.

Не пошла я и за Налом, хотя он – как всегда, самый добрый – предложил мне ночлег. Осталась на холодном воздухе и полночи проплакала, вспоминая Зельмину... и Закари, который сейчас, наверное, тоже не спит. Я сильно замерзла и считала в уме до ста и обратно в надежде, что так утро наступит быстрее. И уже всерьез думала пойти и обнять Шо. Не потому, что так быстро забыла, как он на моих глазах разорвал солдата, а потому... что человеку нужен хоть кто-то близкий.

Но псы не спали. Они как-то нервно бегали туда-сюда, задрвав хвосты, и словно приюхивались к воздуху. Я вскрикнула, когда неожиданно из-за кустов появилась фигура, но тут же успокоилась – просто зомби набрел. Из ближайшей палатки выглянул заспанный Сай – мужчина лет под сорок, гигантски огромный, да еще и отъявленный шутник – если бы за похабщину платили талоны, то он был бы богаче любого врача:

– Что случилось?

– Ничего, – я уже в достаточной степени успокоилась. – Зомби.

– Кто? – теперь он вылез из палатки полностью и огляделся. – А-а, призрак? Это ерун...

А что это с псынами?

Даже мне их поведение показалось странным, чего уж говорить о том, кто их повадки изучил лучше.

– Может, на зомби так реагируют? – предположила я.

– На призраков? Да нет. Псы их вообще не видят, будто их нет – именно поэтому эти уроды призраками и называются, безграмотная ты моя крысоедка, – он наблюдал за псами и вдруг закричал на весь лагерь: – Трок, Кирк! Идите-ка сюда, что-то тут неладно...

Буквально через несколько секунд к нам присоединились эти двое, которые являлись владельцами псин, а за ними постепенно начали подтягиваться и остальные. Почти все тут же рассредоточились в разных направлениях.

– Миграция червеедов! – крикнул со стороны Нал. – Да их тут... мать моя женщина!

Я побежала к нему, но остановилась, когда увидела, что мимо него в темноте бегут какие-то мелкие твари. Сам Нал будто и внимания на них не обращал, бросился куда-то дальше – а за ним и остальные.

«Червееды» были совсем небольшими – не выше двух ладоней, но я в панике кинулась обратно.

– Да не бойся ты! – раздраженно остановил меня Кирк. – Они травоядные, даже не кусаются!

Но его сосредоточенный вид говорил об обратном:

– Тогда почему все так засуетились?

– Червеедов что-то спугнуло. Обычно они ленивые, но...

Тара что-то крикнула совсем издали, а потом раздались и другие голоса – ближе и ближе, пока не дошло и до нас:

– Пауки! Много! Отступаем!

Я знала таких насекомых – у нас водились пауки в четвертой зоне, но их почти всех вытравили.

Меня просто обхватили руками и куда-то потащили, только чуть позже ноги почувствовали землю.

– Быстрее! – кричал Кирк.

Он схватил меня за руку, заставляя двигаться чуть ли не с его скоростью. Через некоторое время я начала задыхаться, а обувь, которую отдала мне Тара, была велика и норовила слететь на каждом шагу. Когда я в очередной раз запнулась, Кирк наконец-то остановился, прислушался и коротко свистнул. Из темноты почти сразу выскочил Шо.

– Хорошая псина, – Кирк снова обхватил меня за талию и закинул на мутанта. Следом запрыгнул и сам.

Для Шо такая ноша была не слишком тяжела, поэтому он, направляемый хозяином, легко затрусил вперед. Мы преодолели огромное расстояние, пока не остановились. Кирк спрыгнул первым, наконец-то отпустив свой захват и вызвав вдох облегчения – несмотря на волнение от этой гонки, его ладонь на моем животе здорово смущала.

Он протянул ко мне руки, но мои ноги не настолько коротки, чтобы не суметь самой спрыгнуть.

Кажется, ему не понравилась моя реакция на его помощь, потому что он явно не собирался ничего объяснять и просто развалился на голой земле. Шо улегся с ним рядом, тяжело дыша. Горизонт уже светлел, наступало утро, поэтому и я села, не боясь теперь насмерть замерзнуть.

– Это настолько опасные насекомые? – спросила я, решив нарушить затянувшееся молчание.

– Не насекомые. Млекопитающие. Хищники, – он ответил после недолгой паузы. – Огромные, как древние слоны. Слышала о слонах?

– Тогда почему «пауки»? – я перенаправила тему с древних животных на современных – эти сейчас интересовали меня куда больше.

– Я не знаю. Их так называли давным-давно. Может, читатели нашли сходство по старым книгам. Они двигаются очень быстро... у них лапы растут будто в стороны. И едят все, что можно есть. Радуйся, что сейчас они едят червеедов, а не тебя. Но если кто-то из них напал на наш след, то солнце ты видишь в последний раз.

Я только сейчас поняла, что при нем нет ни арбалета, ни лука. По его рассказу, даже Шо со своими огромными клыками не справился бы с одним пауком. Кирк постоянно норовил замолчать, но я своими вопросами заставляла его говорить еще. И узнала, что в тех краях, где живут эти обезьяны, пауков давно уже не видели, поскольку люди истребили вокруг почти всю дичь, а через стены те переползти не могут. Вот они и ушли в края, где еще можно было найти себе пропитание. Охотятся небольшими стаями – не больше десяти особей, но каждая из них способна с легкостью истребить вооруженный отряд людей.

– Как ты думаешь, Тара успела убежать? – я не могла не озвучить только что появившееся волнение.

Он посмотрел на меня очень внимательно, но ничего не ответил.

Глава 6

Кирк

Я не стал отвечать ей, что, скорее всего, никто не успел – эти хищники слишком быстры, а почти все к ним были ближе, чем мы, да еще и в непроглядной темноте. Рядом я видел только Зага – у него был какой-то шанс. Но он побежал в другую сторону, поэтому я потерял его из виду. А если пауки прошли через лагерь, то и припасы наши уничтожены. До ближайшего отсюда Города Травы не меньше четырех дней пути, как и до первого источника воды. И если нам не повезет, то мы и сами скоро умрем. Мясом птеродактиля можно насытиться, но не напиться.

Она же задавала один вопрос за другим, а я на многие сам не знал ответа. Почему червееды так называются, если они травоядные? Сколько нам тут сидеть, пока минует опасность? Можно ли Шо запрячь в тележку? Из кого мутировали птеродактили? Почему у людей от радиации не выросли хвосты? Она и сама не замечала, что когда забывается, то начинает щебетать без умолку, да и вообще плохо воспринимает тишину. Наверное, это их подземная привычка от слишком тесного сожительства – рядом постоянно должен кто-то говорить, а если возникает длительная пауза, значит, что-то случилось – потому-то она и начинает сразу неосознанно волноваться, а от этого забывает, что совсем не хочет со мной или с кем-то из нас разговаривать. Ненавидит ли она нас? Бесспорно. Боится? Да, но возможно, уже не так сильно, как поначалу.

Когда Тара кратко рассказала мне о ее сдвиге, я долго не мог это переварить. Может ли быть такое, что по меркам крысоедов она уродлива, и поэтому мужчины не смотрели в ее сторону? А может, там вообще мужчин слишком мало, и потому женщины вынуждены жить друг с другом? Я с трудом смог представить, как они занимаются любовью... Конечно, это очень странно, но на что только не пойдешь от безысходности. Наверное, пора мне спускаться в подземелье, на растерзание бедным женщинам – я бы тогда вообще с постели не поднимался. И стал бы первым верхним человеком, который умер от удовольствия.

Узнанная информация меня обескуражила. Но чем более странно и дико Хани себя вела, тем больше мне хотелось усмирить ее... подмять под себя – во всех смыслах. Чтобы она только на меня своими глазами лупала и только мне задавала вопросы про червеедов. Это чувство напоминает то, что испытывает подросток, когда какая-нибудь девушка, которая ему понравилась, начинает жить в чужом доме. Одолевает злость, желание кому-то что-то доказать, даже ненависть к парню, у которого она живет. Это только со временем проходит, когда понимаешь, что девушка, когда позовешь, придет и в твой дом – просто чуть позже. А если откажется – значит, ты для нее недостаточно хорош; а тут уже винить, кроме себя, некого. Я уже давно не подросток, но отчего-то ощущаю нечто подобное, когда смотрю на Хани.

Тара сказала, что я должен надавить, а иначе девчонке будет сложно отказаться от своих стереотипов. Если дословно, то «вставь ей уже так, чтоб у нее мозги вправились!». Но не могу же я ее заставить, в самом деле. Я даже всерьез не обдумывал, хочу ли. И ни я, да и никто из нас, не голоден без женщины настолько, чтобы не спросить ее согласия. Таре я ответил, что крысоедка мне не нужна, а в моем доме ждет Лили, которая еще совсем мне не приелась.

Но здесь, когда мы вдвоем, когда она ждет, чтобы я хоть что-то ответил на ее очередной вопрос, приоритеты куда-то сдвинулись. Даже страх того, что мы увидим в лагере после пауков, не проявлял себя слишком сильно – да и глупо переживать о том, что еще произойдет. Она даже не заметила, как я сел, облокотившись на Шо, и мог бы уже дотронуться до ее спины, только протянув руку.

– Хани, – настала моя очередь заполнить очередную паузу. – Тогда и ты мне что-нибудь расскажи, раз сама так нагло выспрашиваешь.

Она обернулась и заерзала от того, насколько близко я оказался, но заметным усилием воли удержалась, чтобы не начать двигаться от меня по песку дальше.

– Ч-что? – она снова отвернулась. Это дало ей возможность собраться с мыслями и заговорить увереннее: – Я не скажу тебе ничего, что может навредить нашим! И лучше я вообще ничего не стану рассказывать, потому что не уверена, что вы эту информацию не сможете использовать!

Она, сама того не заметив, перешла от «ты» к «вы», показав этим, что считает меня только «одним из». Она не со мной сейчас говорит – она говорит со всеми «обезьянами» в моем лице. Ничего удивительного – доверие не появляется так скоро. Хотя она, в общем-то, права. Мы совсем мало знаем об их укладе, а если бы у нас появилась четкая картина, то мы бы нашли способ вытравить все их племя: чтобы наши знахари могли создавать лекарства в их стерильных лабораториях, чтобы наши Матери и маленькие дети нашли безопасное укрытие хотя бы на время зимы... Остальных под землю надолго не загонишь – мы уже иной природы, но сколько проблем можно было бы решить, если бы все крысоеды сдохли! Хотя нет, не все...

– Хани, – я все же решил тронуть ее кончиками пальцев. – Ты боишься меня?

– Нет! – она это почти выкрикнула, но глаза ее говорили об обратном.

И именно это волнение, промелькнувшее в ее взгляде, заставило меня резко податься вперед и сжать руками ее плечи. Она тут же ударила меня по руке, затем кулаком в лицо – но промахнулась. На очередном размахе я просто перехватил ее запястье. Ее учили драться, это сразу было понятно. Если ее хорошо тренировать, то через несколько лет она станет второй Тарой. Никакие навыки не имеют значения без оттачивания в полевых условиях, а она за всю свою жизнь, наверное, ни с кем всерьез и не дралась.

– Успокойся! – я так и не выпустил ее запястья и немного потянул на себя, заставляя наклониться.

В ее глазах пропал страх, но появилась злость, а это уже более трезвое поведение – наверное, только поэтому она впервые за все время назвала меня по имени:

– Кирк! Что ты делаешь? Отпусти, мне больно.

Ишь, а она уже неплохо нас изучила! Любого мужчину можно остановить, если произнести: «Отпусти, мне больно». Даже в период злости, когда женщина выводит окончательно из себя, в каждом из нас срабатывает рефлекс, сформированный в раннем детстве – «ты сильнее, ты можешь избить любую женщину и сделать с ней все, что пожелаешь. Но если она когда-нибудь станет чьей-то Матерью, как ты посмотришь в глаза ее детям?». По мере нашего взросления он только укреплялся, а потом и распространялся на всех женщин без исключения. И несмотря на то, что она сделала самый верный ход из всех возможных, – я не отпустил. Наоборот, даже перехватил ее тоненькие руки уже в локтях, чтобы заставить приблизиться еще сильнее.

А вот сейчас – снова страх. И изменение стратегии:

– Кирк... пожалуйста... отпусти, – теперь тихо, почти с нежностью.

– Сейчас отпущу, – я просто не мог заставить себя выполнить ее просьбу.

Она сильно дернулась, поэтому мне пришлось оставить ее руки, чтобы сразу притянуть за затылок и прижаться губами. Она била меня в грудь, но хорошо размахнуться просто не могла, пару раз попала в челюсть, расцарапала мне шею – и только потом притихла. Ее сопротивление будило во мне какого-то мутанта, чего я раньше за собой не замечал. Я целовал ее, и почему-то мне даже нравилось то, что она не отвечает. Нет, еще не покоренная, а на мгновение смирившаяся, она позволила мне даже нырнуть языком в ее рот. Она пыталась укусить, поэтому одну руку я перенес под ее подбородок и надавил на точки между челюстями – так кормят заболевших щенков горькой травой. Это должно быть неприятно, если не больно, но мои пальцы действовали рефлекторно, а мозг отключился полностью и не мог анализировать, что я вообще творю. Я снова не дал ей возможности вырваться, и через пару мгновений она

опять перестала дергаться – вообще замерла. Решила для себя, что способна перетерпеть? Она пахла травой или какими-то пряностями, и от этого мутилось сознание. Я словно пытался вжать ее в себя, уже совсем не заботясь о том, как она сама к этому относится. Ее озлобленное равнодушие вызывало во мне неведомый азарт, сбивало дыхание, открывало глаза, чтобы увидеть отвращение в ее зрачках. Смогу ли я заставить ее отвечать мне, обнимет ли она меня добровольно, застонет ли, если я... Человеческое отступало под натиском животного, но все прекратилось. Она уже не отбивалась – значит, я сам себя остановил. Мыслью, что если стану продолжать, то мне захочется толкнуть ее на землю, придавить собой. Я остановился, потому что в это мгновение сам себя не узнавал.

Едва я отпустил ее, она тут же метнулась от меня и уселась за Шо, нервно вытирая рот. Я никогда не был агрессивен, даже желания такого ни разу не возникало – что на меня вообще нашло? Я отвернулся от нее, чтобы не смотреть, как брезгливо кривится ее лицо.

Больше она вопросов не задавала. Никакое любопытство не заставит ее теперь даже приблизиться ко мне. Час за часом мы сидели почти в тишине, слушая ветер и карканье птеродактилей где-то совсем далеко. Я проклинал себя за свой поступок и одновременно весь сжимался от одной мысли о том, как хочу это повторить, а потом раздеть ее силой, чтобы просто увидеть ее голую кожу – и пусть кричит от отчаянья... Наверное, мне бы и этого хватило, чтобы испытать оргазм. Стоп, Кирк, стоп! Просто поход затянулся – пора возвращаться домой к своим женщинам, а то безумие какое-то начинается. Или меня укусила зеленая ящерица? А она... Она, наверное, была очень привязана к своему отцу, потому что, едва успокоилась, начала тихо бормотать – вроде бы просила у него за что-то прощения. Это немного странно – дети обычно тянутся к матерям, но кто знает... может, ее мать умерла, а другой женщины, чтобы воспитывать ее, не нашлось? И у нас случается такое, что некоторые поддерживают дружеские отношения со своими отцами на протяжении всей жизни. И все равно я не понимал – зачем она обращается к своему отцу так тихо, раз он не сможет ее услышать, даже если она будет орать на всю пустыню?

Я решил, что пора возвращаться – пауки должны были к этому времени уйти. Тут не росло даже морсянки, способной частично утолить жажду. За последние несколько часов я успел подумать о многом, поэтому и сказал:

– Хани, прости меня. Я больше не стану так делать.

И она гордо задрала подбородок, а потом и уверенно поднялась на ноги – я последовал ее примеру:

– Хорошо! Это твоя природа – я понимаю! Давай забудем о произошедшем? – Я не мог поверить, что она так быстро мне все простила. – Но ты должен знать, что мне нравится Нал. Только я еще не понимаю ваших традиций – должна ли я ему сама сказать об этом или подождать, когда он мне сам предложит... сблизиться?

– Любой вариант подойдет, – это совсем не мой голос. – Тебе стоило предупредить меня раньше.

Первой мелькнувшей мыслью было то, что она врет, и тут же сознание подкинуло картинку, как они с Налом мило обсуждают морфологию, рисуют на песке крыс, поют... И я почувствовал настоящую ненависть – таких масштабов, которую не испытывал ни к одному убитому мною охотнику или даже ядовитым ящерицам, уничтожившим Город Ветра. Ненависть к ней – до такой степени, что захотелось ударить; к старому другу Налу, с которым мы пережили уже не одну экспедицию; к исконной традиции «выбирает женщина». И к себе – за то, что я никак не мог отчетливо вспомнить о том, что после дома Нала я мог бы предложить ей жить в моем.

– Поехали, Хани, посмотрим, что там пауки натворили.

Она безропотно подошла ко мне, взглянула с каким-то вызовом в глаза и не сжалась, когда я закидывал ее на спину Шо. Я вынужден был усадить ее перед собой и придерживать,

потому что мы даже закрепительных ремней не взяли, но она уже вполне уверенно себя чувствовала на спине псины. Есть люди, к которым эти животные сразу тянутся и не пытаются побороться за власть, – к таким отношусь я и, конечно, Трок – хозяин До, который гораздо более агрессивен, чем моя псинка. Насколько я мог судить, Хани вполне способна ухаживать за щенками, когда мы вернемся в Город. Да и псарня совсем рядом с домом Нала...

Чем ближе мы приближались к лагерю, тем чаще мне приходилось удерживать Шо – он так и норовил помчаться туда во весь опор. Но никакой опасности я так и не заметил, а когда мы почти доехали... Кажется, я все понял, когда увидел их издалека, но просто не мог в это поверить. Бег Шо теперь никто не ограничивал – и он воспользовался возможностью.

Я соскочил с псины еще до того, как он остановился, чувствуя закипающую ярость. Теперь я хотел убивать. Да сегодня я раз за разом бью собственные рекорды! А матушка меня считает очень спокойным – полюбовалась бы сейчас! Это крысоедка меня до такого состояния довела. Все мое накопленное раздражение вылилось в крик:

– Тара! Бесплодная ты сука!

Теперь на меня обернулись и те, кто разводил костер и надевал на крюки мясо – предполагаю, червеедов. Командирша со смехом отскочила, но когда я снова попытался ее ухватить за шиворот, легко отбила мою руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.